

A woman with long dark hair in a braid, wearing a white off-the-shoulder dress with a green sash and a brown leather vest, stands in a rustic kitchen. She is smiling and holding a wooden tray with a loaf of bread, a dark mug, and some red berries. The kitchen has a stone wall, a wooden shelf with various bottles, and a window looking out onto a snowy street at night. A basket of fresh produce is on the floor to her right.

Лесса Каури

**ЗОЛУШКИ
ИЗ ТРАКТИРА
НА ПЛОЩАДИ**

Сказки Тикрейской земли
Книга первая

Другие Миры (АСТ)

Лесса Каури

Золушки из трактира на площади

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каури Л.

Золушки из трактира на площади / Л. Каури — «Издательство АСТ», 2016 — (Другие Миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-095834-4

Не каждая Золушка мечтает стать принцессой. Иногда бывает и по-другому. Ты – хозяйка трактира, рядом друзья, и жизнь идет своим чередом... И ты не ведаешь и не гадаешь, что сказка уже совсем рядом. Когда жизнь наполнена любимым делом, а сердце – верой в добро и заботой о людях, то счастье обязательно постучится в двери, даже если его не ждешь. В любом мире и времени найдется своя Золушка, ведь больше всего люди любят... любовь!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095834-4

© Каури Л., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Лесса Каури

Золушки из трактира на площади

© Л. Каури, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Маме, которая всегда поддерживала меня...

В Вишенроге зарядили дожди. Щедро поливали столичные проспекты, прихотливо изви- вающиеся улочки, утопающие в зелени дома знати, ремесленные и купеческие кварталы. Умы- тые храмы сияли белизной, золотом и лазурью под серым небом, а королевский дворец из чер- ного камня, с влажно блестящими крышами и повисшими стягами на многочисленных башнях, казался намокшей хищной птицей, усевшейся на вершине горы над Тикрейским проливом.

На площадь Мастеровых выходили четыре улицы – Кузнечная, Гончарная, Каменная и Прачечная. Дома здесь выглядели не так значительно, как в соседнем – Торговом – квартале, но сработаны были добротно и стояли десятилетия, заботливо подновляемые хозяевами. После Большого пожара, случившегося семьдесят лет назад и пожравшего около двух третей город- ских зданий, улицы вымостили заново, используя больше камень, чем дерево. С тех пор одно- и двухэтажные домики отличались лишь цветом фасадов и крыш да количеством горшков с цветами, которые во все времена так любили домохозяйки. Улицы квартала хвастались друг перед другом палатами гильдий, на которые, казалось, ушло больше камня и вазонов с расте- ниями, чем на остальные дома. Две палаты – каменщиков и прачек – смотрели фасадами на площадь, а между ними расположился маленький домик цвета темной охры, с углами, порос- шими мхом, и крышей, на которой устраивали свидания местные кошки, привлеченные запа- хом съестного. Семья, купившая сгоревшую во время Большого пожара мастерскую, перестро- ила ее под трактир, с тех пор не закрывавший двери для посетителей в любую погоду. Гостей здесь всегда ждала горячая похлебка с ломтем вкуснейшего хлеба, свежие сыры, перепела на вертеле, уложенные в гнездышки из ароматной зелени и посыпанные кунжутом, холодное пиво или теплый морс из лесных ягод с медом, пользующийся особенным спросом в эти ветреные дни. Нынешняя хозяйка трактира, Матушка Бруни, всегда лично проверяла качество продук- тов, как когда-то делала ее мать, а до нее – бабка-основательница семейного дела. За некото- рыми Матушка сама ходила на рынок в сопровождении двух верных служанок, сестер Гретель, которых за глаза прозвали Гренадершами за внушительный рост и косую сажень в плечах.

В этот момент Бруни, тоскливо поглядывая в залитое потоками воды окно, выслуши- вала недовольный монолог повара. Пип, или, как ласково называла его Бруни, Пиппо, при- ходился двоюродным братом ее покойной матушке. Этот невысокий, круглый и абсолютно лысый толстяк отличался неумной энергией, кипящей кулинарной фантазией и резкими пере- падами настроения, напрямую зависевшими от погодных условий. Он не представлял жизни без солнца и впадал в уныние в его отсутствие. Нынешнее совместное уныние повара и погоды длилось уже без малого две недели и, наконец, вылилось в истерику толстяка по поводу сорта муки для выпекания его знаменитых на всю столицу соленых булочек. Слова лились бесконеч- ным потоком, как косые струи дождя, что барабанили в окна, шумели в водостоке и стучали по крыше.

– Брунгильда! – сердито спросил Пип, и Бруни вздрогнула – она терпеть не могла, когда ее называли полным именем. – Ты меня совсем не слушаешь!

– Я слушаю, – вздохнула она. – Давай подождем, пока немного распогодится? Я схожу к мельнику Розену и попрошу заменить партию.

Мелодично звякнул колокольчик. Дождь шагнул в открывшуюся дверь вместе с одним из постоянных посетителей. Последний, стянув с головы широкополую мятую шляпу, аккуратно встряхнул ее за порогом.

– Возвращайся на кухню, Пиппо, – ласково попросила Бруни, погладив повара по плечу, и поспешила навстречу вошедшему.

– Добрых улыбок, господин Турмалин, и теплых объятий! – радостно приветствовала она гостя – высокого сутулого старика, зябко кутавшегося в поношенный плащ. – Как ваше здоровье?

– Спасибо, дорогая, – усмехнулся тот, взяв ее под руку, – твоими молитвами и горячими обедами, что присылала мне с Ровенной, еще жив!

– Зря вы вышли на улицу, – посетовала Матушка, провожая господина к его постоянному месту – угловому столику, наполовину скрытому массивным буфетом, в котором хранились винные бокалы и столовые приборы. – Похолодало, а у вас наверняка не прошел кашель!

– Опостылело сидеть дома, – признался старик, с явным удовольствием усаживаясь на скамью, заваленную подушками разного размера. – Смотришь целый день то в окно, то в стену, из всех развлечений – визит целителя, который ничего не смыслит в медицине, да твои восхитительные лакомства. Давай я лучше здесь поболею!

Бруни с затаенной тревогой всматривалась в осунувшееся лицо, отмечая запавшие щеки, бледность и влажную испарину на лбу, круги под глазами, но ничего говорить не стала. Махнула Виеленне – сестре Ровенны, – и та, без слов понимающая хозяйку, тут же принесла поднос с кружкой дымящегося морса, плоской меда и тарелкой только что испеченных булок.

– Доброго дня, господин, это вам для затравки! – приветливо улыбнувшись, пояснила служанка. – Сегодня в обеденном меню зеленые щи, куриные колбаски с жареным картофелем или рыбный пирог. Чего желаете?

Старик оживленно потер ладони.

Оставив их разбираться с заказом, Бруни отошла за трактирную стойку и принялась протирать бокалы, поглядывая в сторону посетителя. Григо Турмалин приходил сюда уже несколько лет. Появился однажды на пороге, будто возник из ниоткуда, – высокий, полный сил мужчина с глазами редкого золотисто-карего цвета, и громогласно спросил:

– А ну-ка, красавица, подскажи мне, чем это пахнет так дивно из окон заведения?

Бруни в тот момент засыпала брусничные листочки в входящий на маленькой плитке за стойкой морс. Ароматный дымок поднимался от котелка, и сквозняк уносил его в открытые весеннему теплу окна. А со двора доносился глуховатый голос ее мужа Ральфа, чинившего телегу.

Ральф погиб в Крейской войне пять лет назад. Вслед за мужем ушли родители – Хлоя и Эдгар, которым она помогала держать семейное дело. И трактир Матушки Хлои стал трактиром Матушки Бруни, несмотря на то что «матушке» в ту пору только исполнилось девятнадцать лет. Некоторые из слуг нашли другую работу, здраво рассудив, что одинокой девушке в таком возрасте не справиться с заведением. Но она раз за разом отказывалась от выгодных предложений по продаже дела и, стиснув зубы, осваивала нелегкое ремесло трактирщицы до тех пор, пока ее имя не включили в Книгу гильдии наравне с именами родителей, а соседи по улице не стали все как один уважительно величать ее Матушкой.

Тогда Бруни почему-то решила, что Григо – маг: он был начитан и изыскан в речах, имел изящные руки человека, никогда не державшего инструмент, и созданные в ее представлении для того, чтобы делать пассы. Но время шло, а Турмалин старел, как обычные люди, и даже быстрее. Он никогда не жаловался на жизнь, однако Матушка замечала, как с каждым годом ветшает его одежда, тощат кошелек. Да и в прежде ясных глазах появилась какая-то безнадеж-

ная муть, затянувшая золото радужек, будто болотная тина. Бруни догадывалась, что Григо во многом отказывает себе, лишь бы приходиться в трактир, наблюдать за людьми, неспешно куря трубку, и заказывать любимые блюда. Когда старик с месяц назад не явился в обычное послеобеденное время, она забеспокоилась и отправила на разведку Ровенну. А потом стала ежедневно передавать ему со служанкой обеды за счет заведения, решив, что нельзя лишать единственной радости человека, к которому жизнь явно относится не как к сыну, а как к пасынку.

Дождь утих. Небо кокетливо приоткрыло синие прорехи в серой пелене облаков. Бруни спешно переобулась из туфель в сапоги, прихватила плащ и вышла из трактира, крикнув в кухню:

– Пиппо, я дойду до Розена!

– Зонт захвати! – тут же отозвался тот.

Она упрямо тряхнула каштановыми «матушкиными» локонами и выскочила без зонта.

В воздухе висела влажная морось, а небо вновь затягивало. Следовало поторопиться, чтобы добежать до лавки и обратно.

Хозяина за прилавком не оказалось.

– Он на заднем дворе, – сообщил молодой продавец, колесом выпячивая грудь и играя бицепсами, – вдовушка ему давно нравилась, и он не упускал случая покрасоваться перед ней каждый раз, когда она заходила в лавку.

Бруни только покачала головой и отправилась на задний двор. Они с Ральфом жили мирно и оба любили работу в трактире, однако, какое удовольствие женщины получают от плотских утех, молодая супруга знала лишь понаслышке. Возможно, проживи они подольше вместе, мужу удалось бы разбудить в ней женщину. Но он ушел на войну, а она осталась одна. И желания завести интрижку как-то не возникало. Ей это казалось неприличным, что ли. Пип давно ругал Бруни за вдовье одиночество, но попытки познакомить с сыновьями своих приятелей оставил после того, как она, глядя на него серо-голубыми отцовскими глазами, в принятых у морских бродяг замысловатых выражениях указала на тщетность подобных намерений. Отец Бруни был коком и полжизни ходил под парусами на торговых судах, поэтому девочка с юных лет усвоила, как доходчиво объяснить собеседнику, что он не прав.

Задняя дверь лавки была приоткрыта. Со двора раздавались странные свистящие звуки, сопровождаемые ругательствами.

Матушка толкнула створку и застыла на пороге, едва не сбив с ног лавочника, наблюдающего за приказчиком, который порол худого и взерошенного мальчишку, за запястья и щиколотки привязанного к столбу. Пацан шипел, как разъяренный кот, и ругался на чем свет стоит, но покоряться не собирался.

– Будешь еще воровать у честных горожан? – спросил Розен и, не дождавшись ответа, кивнул опустившему руку приказчику: – Добавь пять...

Мальчишка через плечо бросил на него ненавидящий взгляд, будто полоснул кинжалом. Точнее, кинжалами – его зрачки были узкими и вертикальными, почти утопавшими в неизбывной зелени радужек. Лишь когда кнут вновь опустился ему на спину, зрачки расширились, заполнив глаза чернотой.

Оборотень!

– Приветствую, Варлен Розен! – Бруни, шагнув вперед, уверенно взяла лавочника под руку. Она была у него особым клиентом и умело этим пользовалась. – Что здесь происходит?

– Сын блудливой суки украл батон, – поморщился тот, – но был пойман. Не беспокойтесь, дорогая моя, я лишь проучу его немного и отпущу. На собачьей шкуре все быстро заживает.

Черная змея хлыста, свистнув, оставила на коже, проглядывающей через драную рубашку, набухающую кровью полосу.

– Велите это прекратить! – Бруни улыбнулась, но под взглядом ее глаз, будто грозовые тучи налившихся свинцом, лоточнику стало не по себе. – У нас срочное дело.

– Но он же...

– Сейчас же, – она продолжала улыбаться.

Розен неохотно махнул рукой, и приказчик опустил хлыст. Покорность лавочника объяснялась просто. Трактир Матушки Бруни являлся официальным поставщиком ко двору его величества Редьярда Третьего соленых булочек, в народе прозванных мерзавчиками. Рецепт отец Брунгильды привез из своих странствий – то ли испробовал где-то в чужих краях, то ли сам придумал. Забавная закуска к пиву быстро стала известной среди простого люда, а затем слава о ней зашагала по всему Вишенрогу, пока, наконец, не добралась до королевского дворца. Редьярду понравилось удивлять гостей необычным лакомством, и он выдал владельцу рецепта пожизненный патент на поставку булочек ко двору. С тех пор раз в неделю во дворец отправлялась телега с драгоценным грузом, один запах которого вызывал у горожан обильное слюноотделение и желание тут же отведать «холодненького». А на каждой из коробок располагалась маленькая приписка о том, у каких торговцев были закуплены продукты для теста. Естественно, имя Варлена Розена значилось там первым.

Бруни кивнула на воришку:

– Развяжите.

Торговец вздохнул, но распорядился.

Когда сняли путы, мальчишка чуть не упал. Сквозь рубище проглядывали выпирающие ребра, на грязных щиколотках виднелись поджившие следы от кандалов.

Матушка подошла к нему и присела на корточки, чтобы оказаться с ним вровень.

– Почему ты украл? – спросила она, спокойно глядя в зеленющие, чуть раскосые глаза.

– Хотел жрать, – буркнул пацан, не отводя взгляда.

В этой наглости сквозило отчаянное мужество существа, давно и безнадежно противостоящего всему миру.

– Если я приглашу тебя в гости и накормлю, ты дашь мне слово, что ничего не украдешь в моем доме?

Бруни поймала себя на том, что невольно повторяет интонацию своей матери – Хлоя умела смягчать заскоруждые сердца простой и уверенной добротой.

Оборотень испытующе разглядывал неожиданную спасительницу. Кончики его ушей были немного заострены и в моменты волнения прижимались к черепу, что казалось одновременно и забавным, и утрашающим.

– Даю слово, – наконец произнес он. То ли в себе сомневался, то ли в ней? – А не обманешь? Стражникам не сдашь?

Матушка, взглянув на следы от кандалов, покачала головой. И, повернувшись к лавочнику, завела разговор о замене партии муки, будто забыв о мальчишке.

Когда они с Розеном в конце концов договорились, она неожиданно обнаружила оборотня рядом – внимательно слушающим разговор. И подумала о том, что обсуждать дела можно бесконечно, а батон парнишка так и не успел съесть!

– Ждите подводы через два часа, – сказал напоследок лавочник. – И еще раз прошу прощения за то, что мой приказчик перепутал партии для доставки!

– Бывает, – улыбнулась Бруни, на этот раз без тяжести во взгляде. Повернулась к мальчишке: – Идем со мной.

Когда они вернулись в трактир, начинало смеркаться. Григо Турмалин, сидя в своем углу, неспешно курил трубку и наблюдал за Ровенной, зажигающей свечным огарком большую люстру. Брунгильда терпеть не могла магические светильники, предпочитая их холодному свечению тепло, копоть и мягкий оранжевый свет язычков пламени. Но на охранный противопожарный свиток для здания раскошелилась и ни разу не пожалела об этом.

Из кухни раздавались оживленные голоса. Один принадлежал Пипу, а другой – его старшей дочери Ванилле, жизнерадостной дебелой девушке двадцати восьми лет от роду,

дослужившейся от простой посудомойки до Старшей Королевской Булочницы. Ее визит мог означать только одно: короля посетили неожиданные гости, для которых срочно понадобилось пикантное лакомство.

– Пресвятые тапочки! – воскликнула Ровенна, увидев оборотня. – Хозяйка, кто это с вами?

Ее сестра вышла из кухни, вытирая руки фартуком, и тоже застыла в изумлении.

Оглядев габаритных сестричек, оборотень попытался было сбежать, но Бруни цепко ухватила его за плечо, толкнула в объятия подошедшей Виеленне Гретель и принялась перечислять:

– Первое – накормить, второе – отмыть и изгнать блох, третье – подобрать одежду. А потом еще раз накормить!

– Ему плохо не будет? – усмехнулась Ровенна и вернулась к люстре.

– И что с ним делать после? – недоуменно уточнила сестра.

Бруни посмотрела на мальчишку. Тот затравленно оглядывался по сторонам, словно искал щелочку, сквозь которую можно было бы испариться.

– А потом отпустить, – твердо сказала она, – на все четыре стороны.

Зеленые глаза оборотня широко раскрылись, и лицо на миг осветилось надеждой, сделавшей его невероятно привлекательным. Но чернота быстро заполнила радужки: для этого ребенка самым страшным было поверить в людскую доброту.

Матушка смотрела на него, бредущего, будто под конвоем, за Виеленной, с затаенной грустью. Боги не дали им с Ральфом детей. А теперь уж и не дадут.

– Бруни, ты пришла? – крикнул Пип из кухни. – Мне срочно нужна помощь!

– Знаю, – вздохнула она и направилась к нему.

С Ваниллой расцеловались, как сестры. И родственницами друг другу приходились, и дружили давно, и делились сплетнями, и ходили вместе по кондитерским и бакалейным лавкам – чем еще заняться в свободное время двум одиноким женщинам, считающим себя хозяйками своих жизней?

– Во дворце такой переполох! – принялась рассказывать Ванилла, засучив рукава и оттесняя отца от кухонного стола. – Вчера утром неожиданно прибыло посольство из Гаракена, а в его составе сам герцог Ориш, кузен короля! Поговаривают, будто привез предложение женить нашего старшего принца на ихней принцессе!

Бруни сняла плащ и сапоги, повязала фартук, вымыла руки и сменила Пипа, замешивающего тесто, чтобы он мог заняться начинкой для булочек.

В кухню заглянула Ровенна.

– Хозяйка, помощь нужна?

Матушка качнула головой, пояснила:

– Зал на тебе. У нас мерзавчики!

Наступал вечер. Сейчас в трактир потянутся уставшие ремесленники – хлебнуть пива или морса, закусить пряными сухариками по дороге домой. Чуть позже зал наполнится постоянными посетителями: купцами, пришедшими поужинать и поговорить о делах, стариками, чью холодную кровь согреет близость других людей, разговоры, сплетни и слухи, патрульными из городской стражи, уставшими наматывать бесконечные круги по улицам квартала в поисках беспорядков. Захаживали к Матушке Бруни отужинать и главы четырех ближайших гильдий, чем она несказанно гордилась.

Ровенна, будто бригантина, идущая на всех парусах, вернулась за стойку – старшей из сестер Гретель нравилось воображать себя хозяйкой.

– Уж пора бы принцу Аркею жениться, – пробурчал Пип, набирая молотый красный перец на кончик ножа и высыпая его в начинку, – годков-то ему сколько?

– Двадцать девять, отец.

Бруни насторожилась. Зазвучали в голосе подружки знакомые загадочные нотки – предтечи пересказа дворцовых сплетен, которые Ванилла обожала.

– А он что? – кинула пробный шар Матушка.

– А он никогда не женится! – сделав страшные глаза, ответила та. – Я точно знаю!

Пип покосился на дочь, пожевал губами и полностью погрузился в таинство приготовления пищи. Готовить толстяк обожал, но терпеть не мог, когда его отвлекали. Разглашай подружки во весь голос государственные тайны – он все равно бы не услышал.

Ванилла подвинула свою доску с тестом ближе к доске Бруни и зашептала, задыхаясь от волнения:

– Не спалось мне вчера, я и встала часа за два до рассвета. Дай, думаю, опару заведу для утренних блинчиков. Спускаюсь в кухню и вдруг слышу голоса! Я струхнула. Сначала решила – воры, потом – что поварята орехи таскают. Мы их от мешков только и гоняем. Остороженько выглянула из-за двери и обомлела. Сидят за столом его величество вместе со своим шутком, шалопаем Дрюней, и напиваются до золотых демоненков в глазах. «Что делать, Дрюня? – говорит ему король. – По закону первородства трон должен Аркею достаться, да и мозгов у моего старшенького поболее, чем у Колея. Но какой король на троне сидит без своей королевы?» Шут его по плечу погладил, знаешь, как больных родственников успокаивают, и спрашивает: «А ты с ней связаться не пробовал? Может, передумала?» Тот чуть вином не подавился. «С ума сошел, недалекий? Она мне до гроба припоминать будет, что я ее бросил. Первенца моего не пожалела, прокляла пожизненным венцом безбрачия! Думаешь, такие заклинания вспять повернуть возможно?» «Не думаю, твое величество, – грустно так Дрюня отвечает и давай себе в стакан рожки корчить. – Тут еще гаракенцы эти, перхоть на их шевелюры! Слушай, а с чего они так спешно принцесску сосватать решили? Неспроста это, брат мой король, неспроста! Дал бы ты указание кому следует разузнать, в чем дело!» Редьярд стакан с таким стуком поставил, я думала, разобьет. «А прав ты, плут, – говорит. – Раз торопятся девку замуж выдать, значит, обстоятельства у них! А если обстоятельства серьезны, можно вместо Аркея предложить им Колея – обормоту уже давно пора остепениться! И мы соседей отказом не обидим. Только надобно будет так все обставить, будто Колей влюбился без памяти, а брат ему, по благородству душевному и сердечной холодности к принцессе, уступил!» Шут на него подозрительно уставился: «Как ты, твое величество, Кольку заставишь в любовь сыграть?» А Редьярд давай хохотать: «Срежу содержание вдвое. И Вемьянский замок отберу, в котором он чаще всего разгулы разгульничает! Вот и посмотрим, сколь быстро станет шелковый!» А потом вдруг замолчал резко и в лице изменился. Мне аж жалко его стало! «Вот только с Арком беда...» – говорит. А Дрюня ему: «Боги милостивы, твое равновеликое величество! Сын за грехи отца не отвечает – и то им ведомо!» Тогда король у него поинтересовался, в каком месте он равновеликий, они заспорили, а потом и вовсе ушли, прихватив поднос с едой и пару кувшинов пива.

Ванилла замолчала, запыхавшись.

– Бедный принц, – покачала головой Бруни. – Но ты бы не рассказывала об этом никому.

– А и не буду! – торжественно пообещала подруга. – Что я, не понимаю, что ли? Только папе и тебе. Ну, ты ж знаешь, мне надо было с кем-то поделиться, иначе меня б разорвало!

Матушка засмеялась. Скатала из теста ровный шар, выложила на деревянный поддон – доходить.

– Пиппо, теста еще готовить?

Повар, отвлекшись от обжаривания лука, окинул взглядом с десятков накрытых полотенцами заготовок.

– Хватит, пожалуй! Если его величеству будет угодно – лучше завтра свеженьких напечем!

– И то правда! – согласилась дочь.

В кухню заглянула Ровенна, потупилась, будто медведица, переминаясь с ноги на ногу. Это могло означать только одно – в трактире появился знатный посетитель. Уж насколько легко старшая Гретель вертела ремесленниками и купцами, одним незлым тихим словом прекращала их ссоры и даже драку могла разнять без последствий для посуды и мебели, настолько же панически боялась представителей дворянства. Слава богам, подобные гости в квартале были редки, но, манерой поведения сразу выделяясь из толпы, заставляли бойкий язык Ровенны коснеть, а ее саму становиться столь неуклюжей, что Бруни диву давалась.

Матушка вздохнула и направилась к раковине – вымыть руки, умыться, снять фартук и переплести растрепавшиеся волосы в аккуратную косу.

Посетитель в одиночестве сидел за маленьким столиком у дальней стены. Простой плащ с глубоким капюшоном, под которым не было видно лица, не мог скрыть стать и осанку, а руки – принадлежать простолюдину.

– Добрых улыбок и теплых объятий этим вечером, мой господин! – сказала Матушка, подойдя к нему и ставя на стол кружку с дымящимся морсом и тарелку с ароматными сырными хлебцами.

– Здравствуй, красавица! – глуховато ответил он. – Но я ничего не заказывал!

– Подарок гостю от заведения, – улыбнулась Бруни. Этот знатный господин, несмотря на сдержанную речь и скупые жесты, не позволявшие понять, что он представляет собой на самом деле, совершенно ее не страшил. – Такова традиция, которую установила моя матушка.

Незнакомец качнул головой. Отведав морса, довольно хмыкнул, захрустел хлебом.

– Долгих лет твоей матушке, она придумала добрую традицию!

– Мои родители умерли, – спокойно объяснила Бруни. – Рада, что вам понравилось! Поужинаете у нас?

Посетитель чуть сдвинул капюшон, и она увидела приятное открытое лицо, живые карие глаза, оглядевшие ее с интересом – не дурным, грязным интересом, с каким обычно знатные господа смотрели на хорошеньких простушек, а так, словно ему принесли чудную игрушку, вызвавшую невольное восхищение.

– Прости меня, хозяйка, – попросил он. – Я с удовольствием поужинаю в твоём трактире, если ты составишь мне компанию.

– Я хотела лишь принять заказ, – пояснила Бруни.

– Тогда я заказываю, – он откинулся на спинку стула, – а ты все записываешь на двоих.

Матушка невольно засмеялась. И ведь таким серьезным казался, стервец!

– Хорошо, – сдалась она. – Сегодня на ужин...

Он поднял ладонь, призывая ее замолчать. К своему удивлению, она подчинилась жесту.

– Не перечисляй! Просто вели принести то, чем отужинала бы сама вечером после дня, в который была вынуждена улыбаться-улыбаться-улыбаться, хотя на душе кошки скребут.

Матушка кивнула и отправилась на кухню, а вскоре вернулась с большим подносом, уставленным яствами. Тут были кружки с холодным пивом и знаменитые мерзавчики Пиппо, сырный суп цвета расплавленного солнца, посыпанный зеленью, свиные ребрышки с запечённым под творожной шапкой картофелем, перепел на вертеле, трогательно уложенный в гнездышко из жареного лука, глиняный чайник с чаем из луговых трав, от которых веяло летними ароматами бескрайних полей.

– Почему не вино? – уточнил гость.

Бруни бросила на него изумленный взгляд, продолжая накрывать на стол. Быстро он оценивает ситуацию!

– Я думаю, господин пьет такие вина, рядом с которыми самая старая бутылка из моего погреба покажется молодухой, – отдавая поднос подошедшей Виеленне и садясь напротив гостя, объяснила она. – Пиво же пьют и богатые, и бедные, и счастливые, и... несчастные. Возьмите булочку. И выпьем за то, чтобы вечер не продолжал этот день!

– Как тебя звать, умница моя? – засмеялся незнакомец, отправляя в рот мерзавчик.

– Глотните пива, – улыбнулась Бруни. – Первый глоток холодного пива – одно из самых восхитительных ощущений в этой жизни!

Гость тронул ее кружку своей и отведал напитка, но одним глотком не отделался.

– Сколько тебе лет? – допив до дна и стукнув кружкой об стол, поинтересовался он. – Ты действуешь на меня как шарик мороженого на ребенка! Хочу все о тебе знать!

Бруни пригубила пива. Посетитель не вызывал в ней чувства отторжения, как те, что пытались разговорами заманить ее в постель. Было в нем что-то располагающее, к чему стремилась душа, желая раскрыть свои тайны. Но...

– Для «всего» мы еще мало знакомы, – строго уточнила она и подвинула к нему тарелку с супом. – Меня зовут Матушка Бруни, и мне двадцать три.

– И сколько же у тебя детей, матушка? – поинтересовался гость.

– Мой трактир называется «У Матушки Бруни», – ровно пояснила она. – А детей у меня нет. Я вдова.

Гость, уже взявшийся за ложку, опустил ее обратно.

– Прости! – искренне воскликнул он. – Прости меня, Бруни! Простишь?

Взяв ее руку, поднес к губам. Коснулся тыльной стороны ладони – сначала дыханием и лишь потом губами. Нежно. Уверенно. Спокойно.

Матушкино сердечко сбилось с такта.

– А как вас зовут? – почему-то шепотом спросила она, ощущая, как тепло его ореховых глаз окутывает ее, будто шалью в зябкий осенний вечер.

– Какое имя тебе по нраву? – отпустив ее руку, улыбнулся он. – Я сегодня весь вечер несу невесть что и говорю невпопад. Чтобы искупить вину, предлагаю тебе выбрать мне имя и загадать желание, которое обязуюсь выполнить!

– Пусть будет... Кай? – она взглянула на него вопросительно.

Он наконец принялся за суп.

– Пусть будет. Ну вот, теперь мое имя ты знаешь, а я до сих пор не слышу твоего желания!

Бруни была уверена, что гость не имел в виду ничего неприличного, но фраза прозвучала двусмысленно, и девушку бросило в жар. Чтобы взять себя в руки, она пробормотала первое, что пришло в голову:

– Вот если бы вы могли остановить травлю оборотней...

Кай поперхнулся супом.

– Интересное желание для молодой хозяйки, – заметил он. – Чем оно вызвано?

Сбиваясь и путаясь – мысли были совсем о другом, – Матушка поведала собеседнику об утренней сцене в лавке Розена.

– Вы же понимаете, что мальчик украл просто от голода? – спросила она, заглядывая ему в глаза.

Почему-то ей казалось важным, чтобы гость согласился.

– Понимаю, – серьезно ответил тот. – Могу предположить, что короля этот вопрос тоже беспокоит: с одной стороны, бродяжничество и преступления, участниками которых оборотни вольно или невольно становятся, с другой – жестокость населения по отношению к ним и кровопролития, происходящие в основном в провинции. Чтобы как-то исправить ситуацию, его величество начал потихоньку привлекать их к государственной службе. Сейчас из них набран особый гвардейский полк. Об этом пока мало кому известно.

Бруни никогда не слышала об оборотнях-гвардейцах, своего собеседника видела впервые в жизни и ничего о нем не знала, но поверила сразу и безоговорочно!

– Но это еще не все! – продолжил Кай. – Осенью под патронажем принца Аркея откроется факультет для оборотней при Военной академии.

– Обучение будет платным? – заинтересованно спросила она.

– За них заплатит казна с условием, что после окончания академии они будут служить на благо королевства в течение двадцати лет. Оборотни, хоть и не в ладах с дисциплиной, прирожденные бойцы, а способности делают их намного опаснее обычных солдат.

Матушка вспомнила отчаяние, тщательно спрятанное в зеленых глазах мальчишки, и представила его взрослым, в форме королевского гвардейца. На сердце стало тепло.

– Спасибо! – тихо сказала она.

– За что? – удивился Кай.

– Вы помогли мне принять одно важное решение, о котором я еще минуту назад не подозревала!

– Я рад, – искренне улыбнулся гость. – Но этот экскурс в этническую политику королевства не считается выполненным желанием! Так что у тебя, Матушка Бруни, есть второй шанс! А что ты обычно делаешь в выходные?

– У меня не бывает выходных... – смутилась она и вдруг вспомнила, как отец рано утром приводил ее в порт, где стояла на причале его маленькая яхта.

Они уходили в море до заката, ловили рыбу, загорали и купались. А на следующий день в меню трактира появлялся рыбный суп с острым красным бульоном, в который добавляли белые сухарики.

Вот это были выходные! Но, когда родители умерли, стало не до отдыха.

– О чем ты подумала? – заинтересовался Кай. – Я вижу в твоих глазах грусть и радость – одновременно!

– Я бы хотела выйти в море, – все еще представляя бесконечный бархат и кружево волн, прошептала Бруни. – Отец брал меня с собой на «Зоркую» – его яхту.

– А где она сейчас?

– Мне пришлось продать ее, когда родителей не стало.

– Тяжело было? – гость, с сожалением покачав головой, отодвинул пустую тарелку и потянулся к другой – с ребрышками.

– Ну... – пожала плечами Матушка. – Непросто.

– И как же ты справилась? – Кай взглянул на нее с интересом.

– Просто делала, что должна.

Матушка подлила ему пива и случайно встретила глазами с Турмалином, сидящим в углу, за спиной гостя. Тот улыбнулся, одобрительно кивнув. На сердце Бруни стало радостно – одобрение старика придавало ей уверенности.

Когда в трактире стало слишком шумно, Кай поцеловал ее руку и поспешил уйти, оставив более чем щедрую плату. Он улыбался, прощаясь, и вообще выглядел сытым и довольным, что не могло не радовать хозяйку заведения.

Баякая ощущение тепла его губ на своих пальцах, она вернулась за стойку и первым делом спросила у Ровенны, где парнишка.

– Наелся, как хряк, и дрыхнет в чулане, – сообщила та в перерывах между беготней с подносами. – Наверх я его не пустила, хозяйка...

Она не договорила, но Бруни и так поняла – старшая Гретель боялась, что оборотень что-нибудь украдет.

В дверях показался Томазо Пелеван – глава Гильдии каменщиков. Невысокий, кряжистый и рыжий, как лесной пожар. Матушка заспешила навстречу – проводить дорогого гостя за отдельный столик.

– Здравствуй, дочка, – приветливо кивнул тот, – подай легкий ужин, чтобы мозги ясными остались. Сейчас ко мне человек подойдет – переговорю с ним по душам.

Матушка заторопилась на кухню.

Томазо знал родителей Бруни и даже, поговаривали, сватался к ее матери. Сейчас мастер был прочно и счастливо женат на дочери одного из купцов, торгующих товарами для верховой

езды, и по субботам приводил к Матушке весь рыжий выводок – поесть земляничного пирога с мороженым и горячих вафель со взбитыми сливками. В память о долгой дружбе Бруни всегда подавала ему морс в стаканах с серебряными подстаканниками, которые отец привез из Росалавля.

Подстаканников в буфете, стоящем в задней комнате за стойкой, не оказалось. С нехорошим предчувствием Бруни направилась в чулан и не нашла мальчишку на скамье, куда Ровенна уложила его спать. Кража расстроила ее донельзя, но куда больше горечи вызвал побег оборотня. Ведь она твердо решила дать ему кров и пищу, ну а там... как получится. Идея с факультетом оборотней при Военной академии казалась крайне привлекательной.

Даже не успела узнать, как его зовут...

Бруни вернулась за стойку и вдруг ощутила, как давит на плечи тяжесть прожитых лет и одиночества.

– Что-то случилось? – испугался, увидев ее, Пип. – На тебе лица нет!

– Просто устала, – бледно улыбнулась Матушка. – Суматошный какой-то день...

– А ну-ка, бегом наверх и спать! – приказал он. – Мерзавчики я уже отправил с Ванилькой, а за посетителями мы с девочками присмотрим.

– Но... – попыталась возразить Бруни.

– Спать, я сказал! – рявкнул повар, лихо махнув топориком для разделки мяса.

В такие минуты спорить с ним было опасно.

Матушка поднялась к себе, наскоро ополоснулась и легла в кровать, раньше принадлежавшую родителям. Старый матрас прогнулся, уютно устраивая ее в своих объятиях. Под шерстяным одеялом было тепло и удобно. Кто там говорил о холоде вдовьей постели?

Бруни вспомнила испуганный взгляд маленького оборотня... и расплакалась.

* * *

Рассвет только тронул бледными пальцами ставни, а Матушку уже кто-то с жарким шепотом тряс за плечо:

– Хозяйка, проснитесь! Да просыпайтесь же!

Бруни с трудом разлепила глаза. Так вчера устала, что сама не помнила, как заснула.

– Ровенна? Что случилось?

– За вами приехали!

– Кто?

Сон развеялся окончательно.

– Кто приехал, что ты несешь?

– Тот господин, что был здесь вчера. Он просил разбудить вас и передать, что ждет внизу, чтобы сопровождать на прогулке. Видели бы вы его экипаж!

– Пресвятые тапочки! – выдохнула Брунгильда и, вскочив с кровати, заметалась по комнате. – Ровен, что мне надеть, как причесаться?

Служанка перехватила ее и, чуть не насильно усадив в кресло перед зеркалом, полезла в шкаф.

– Раз едете гулять – одеться надо удобно и так, чтобы можно было раздеться! – заявила она тоном, не терпящим возражений.

Бруни почувствовала, как щеки запылали в огне. Сама того не желая, служанка озвучила ее тайные мысли.

– К полудню будет жарко, и коли тепло оденетесь – запаритесь, – продолжала бурчать старшая Гретель, доставая белую нательную рубашку, платье из плотного сукна на шнуровке и шаль, – а коли легко оденетесь – схватите лихорадку навроде господина Турмалина и начнете кашлять!

Через несколько минут с помощью Ровенны Матушка была умыта, одета и причесана. Сбежав вниз, она обнаружила Пипа на кухне, несмотря на ранний час. Дверь в чулан оказалась открытой, а на лавке... крепко спал давешний парнишка, трогательно подложив ладошки под щеку. Не веря своим глазам, Бруни заглянула в буфет и увидела подстаканники на своем месте. Изумление и радость заставили ее сердце раздуться воздушным шариком. Счастливая, с горящими румянцем щеками и блеском в глазах, она влетела в зал, едва не наскочив на вчерашнего посетителя. Тот медленно прохаживался, посматривая в окна, но, заметив Матушку, застыл, разглядывая ее так, словно видел впервые.

– Доброе утро, Кай! – просто сказала она, и он так же просто ответил:

– Доброе утро, Бруни!

Повисла пауза. Они не могли отвести друг от друга глаз. Матушка хотела поведать ему о подстаканниках, он мечтал рассказать ей о том, как она прекрасна, но оба молчали, забыв слова. До тех пор покуда тишину не нарушило многозначительное покашливание. У выхода из трактира выстроились Пип и сестры Гретель. Повар держал в одной руке любимый топорик для мяса, а в другой – скалку.

– Добрый господин, – обратился он к гостю, – каким бы знатным вы ни были, вам стоит знать, что, если с нашей Брунгильдой что-нибудь случится, вы перестанете быть добрым господином!

Сестрички Гретель выглядели испуганными, но сурово свели брови, изображая кровожадность. Зрелище было то еще!

Кай с трудом сдержал улыбку, однако ответил повару со всей любезностью, на которую был способен:

– Я обещаю заботиться о ней и защищать, если потребуется, друг мой. И не причиню вреда ни словом, ни действием. Слово дворянина!

– Смотрите, – Пип погрозил скалкой, – вы обещали!

И ушел на кухню. Его широкая, как у бобра, спина выражала крайнее расстройство.

Кай подал Матушке руку и вывел на улицу под перекрестными взглядами сестер.

Увидев экипаж, Бруни ахнула. Красное дерево и черная кожа, малиновый бархат сидений и изящная ступенька для подъема были великолепны. Но четверка вороных – сильных, изящных, тонконогих – оказалась выше всяких похвал! Матушка не удержалась и бросилась к лошадям, по-девчоночьи перепрыгивая через лужи, огладила шелковые морды, потрепала острые уши и тщательно, волосок к волоску, причесанные гривы. Пожалела, что нет с собой соленых корочек, чтобы порадовать лошадок лакомством.

Гость терпеливо наблюдал за ее восторгом, и в его глазах плясали смешинки, будто солнечные искры. Наконец, она вспомнила о нем, смутилась и юркнула в карету, едва коснувшись пальцами его ладони.

Экипаж тронулся, за окнами потянулись дома, лавки и чугунные столбы фонарей, будто гвардейцы на карауле.

Кай устроился напротив Бруни. Задумчиво смотрел в окно, иногда крутил массивный перстень на среднем пальце правой руки. Матушка, хоть и интересно ей было выглядывать из окна кареты, искоса наблюдала за ним, отмечая великолепную осанку, благородный профиль и блеск каштановых кудрей, в беспорядке падающих на плечи. И вдруг поймала себя на том, что хочет запустить в них пальцы, ощутить их мягкость и густоту... Вновь, как и утром, бросило в жар, опалило румянцем кончики ушей и щеки. Она сделала вид, что загляделась на проходящего мимо лоточника, несущего на плече доску с горячими батонами, да получилось так пристально, что парнишка споткнулся и чуть не упал.

Ветер принес знакомые запахи – свежести и свободы, соли и водорослей. Запахи моря. Карета миновала проезжую часть набережной, съехала к причалам и остановилась у борта великолепной трехмачтовой шхуны. Бруни испуганно посмотрела на спутника.

Тот вышел, подал ей руку. Заметив ее взгляд, улыбнулся и кивнул в сторону.

Она проследила за его жестом и увидела у дальнего причала маленькую белоснежную яхту, скромную и изящную. Мысль о том, что она вновь ощутит качку, соленые брызги на коже и хлесткие удары ветра, привела Матушку в восторг, но Бруни только сморгнула навернувшись от радости слезы и благодарно сжала сильную руку провожатого. Не выпуская ее пальцев, тот отвел девушку на яхту и усадил на лавку. Принял от слуги, идущего следом, корзину с припасами, ловко выбрал концы и отчалил, оттолкнувшись от пирса длинным шестом. А затем сбросил плащ, снял камзол и сапоги и занялся парусом. Совсем скоро яхта взяла курс на запад – в открытое море.

Матушку охватило странное оцепенение. Качка усыпляла, запах водорослей и ласковые прикосновения солнца, только оторвавшегося от горизонта, вызвали в памяти те мгновения, когда рядом был отец. Ей грезилась его белозубая улыбка и колечки ароматного дыма из длинной трубки, с которой он не расставался, хриловатый голос, отдающий команды, и выражение глаз, устремленных в самое сердце моря...

Кажется, она задремала, потому что очнулась лишь от теплого касания пальцев. Открыла глаза и увидела склонившегося над ней Кая.

– Бедная, – тихо сказал он, продолжая гладить ее по щеке, – совсем не высыпаясь с этой работой, да?

Бруни запрокинула лицо ему навстречу. Потянулась, будто росток к солнечному лучу, жадно разглядывая оказавшиеся так близко его четко очерченные красивые губы, волевой подбородок, легкую щетину... Несмело накрыла его руку своей.

Кай наклонился еще ниже. Прошептал, едва касаясь губ губами:

– Только если ты сама хочешь...

Ком в горле не дал ответить.

Сильные ладони обхватили затылок и потянули вверх.

Он поцеловал ее, сдерживая себя, боясь напугать. Опустился на колени, чтобы обнять и притянуть к себе, целовал, не давая отвернуться, да она этого и не желала! Лишь задохнувшись от нахлынувших эмоций, чуть отстранилась. Он тут же отодвинулся, глядя на нее серьезно и... печально. И этот взгляд ударил Бруни в самое сердце, заставил, взяв Кая за ворот рубашки, вновь потянуть к себе, на себя.

Так бережно и нежно ее не касался никто, включая мужа. Казалось, в распоряжении Кая была целая вечность, которую он собирался посвятить изучению тайн женского тела. Он наслаждался Бруни, как изысканным музыкальным инструментом, заставляя звучать ранее молчавшие струны ее желаний, но, в конце концов, и сам не выдержал, сплетаясь с ней в страстных, жарких и сильных объятиях...

Солнце давало уже достаточно тепла, позволяя лежать на палубе обнаженными, однако Кай нашупал упавшую шаль и укутал в нее Бруни. Крепко прижимая ее к себе, он ни о чем не думал, баюкая мгновения счастья и покоя. А она, тяжело дыша от переполнявших чувств, прятала лицо у него на груди, не желая, чтобы он видел, как она плачет. И сама бы затруднилась ответить, отчего слезы – от невероятного сочетания странной пустоты в душе и истомы, разлившейся по телу, или от желания продлить минуты близости и осознания невозможности этого?

Волна ударила в борт, тронув тела прохладными брызгами. Кай встрепенулся, заглянул Бруни в лицо. Нежно вытер ладонью мокрые щеки.

– Хочешь пить?

Она кивнула. Села, подтянув колени к груди и кутаясь в шаль. Собственные оголенные плечи, щиколотки и ступни неожиданно показались слишком откровенными.

Кай принес два бокала – с водой и вином. Матушка выбрала воду... но передумала в последний момент. Ароматный напиток теплом прошелся по горлу, вскружил голову, отодвинув стыд на задний план. Держа Кая за руку, она тихо призналась:

– Мне было хорошо с тобой...

Его ответный взгляд наполнял теплом и надеждой. Не отвечая, Кай встал, чтобы закрепить штурвал и спустить парус, и вернулся обратно. Легко пересадил Бруни себе на колени, со смешком заметив:

– Какая же ты матушка? Девчонка как есть!

И вдруг шепнул, тесно прижав ее к себе:

– А мне с тобой как!..

И вновь его поцелуи рисовали затейливую вязь на ее коже, его руки заставляли ее изгибаться навстречу движениям, а хриплый голос сводил с ума. Под застывшим в зените солнцем, на синей атласной простыне моря они были одни в целом мире. Мире, в котором продолжали кипеть страсти, рождаться и умирать люди, начинаться и заканчиваться войны.

* * *

Когда горизонт порозовел, Матушка уже спускалась в зал, чтобы растопить печь к приходу Пиппо. Но, к ее удивлению, на кухне было тепло, а в печной пасти весело прыгал огонек.

– Весь, ты тут? – позвала она, улыбаясь.

Мальчишку, как оказалось, звали Веславом, однако для удобства имя сократили.

– Да, – смешным важным басом ответил оборотень.

Он не только затопил печь, но и натаскал воды из колодца в большую кухонную бочку.

Бруни ласково вздохнула его густые черные вихры. Стричься Весь отказался напрочь. Напевая, она принялась разогревать морс, выкладывая на противень приготовленные с вечера блинчики с мясом и сыром: ремесленники, шедшие на работу рано, забежали в трактир перекусить или купить еды с собой. Закончив с утренними приготовлениями, собрала на деревянный поднос простой, но сытный завтрак – краюху хлеба, плоску с топленым маслом, вареные яйца и кувшин с подогретым молоком. Кай, если оставался ночевать у нее, просыпался рано. Вспомнив тепло его тела совсем рядом, Матушка улыбнулась. С той памятной прогулки на яхте прошло несколько недель, но страсть и нежность, захватившие обоих в плен, не отступали под гнетом рутины. И еще – удивительное дело – Каю и Бруни хорошо молчалось друг с другом, когда иссякали слова.

Поднимаясь по задней лестнице в свою комнату, Матушка услышала бухтение Пиппо. Повар, находясь с утра не в настроении, особенно в такие пасмурные дни, как сегодня, ворчал по любому поводу и даже пытался давать Весю подзатыльники. Впрочем, юркий мальчишка легко их избегал.

После возвращения с морской прогулки Бруни не стала заводить с оборотнем разговор о краже подстаканников, заметив только:

– Пиппо нужен поваренок на кухне. Если обещаешь мыть руки – можешь оставаться!

Веслав тогда сверкнул на нее зеленым глазом и кивнул. А через мгновение уже крутился под ногами Пипа в лихой бандане, скрывающей кудри. Если повар и пришел в шок от нового помощника, то промолчал, видя отношение к нему Брунгильды. А затем вынужден был признать, что от мальчишки есть польза: обостренное обоняние оборотня выявляло несвежие продукты на раз и, самое главное, позволяло добавлять приправы в тесто в идеальных пропорциях.

Кай торопливо одевался, когда Бруни внесла поднос в комнату.

– Не успеваю позавтракать, родная, – насладившись вкусом ее губ, сообщил он. – Сегодня надо пораньше!

– Хоть молока выпей! – Матушка сунула ему в руки кувшин.

И поймала себя на том, что они разговаривают как любящие супруги. Поймала – и затаилась, баюкая страх в душе. Ведь она до сих пор не знала настоящего имени возлюбленного. Не подозревала, откуда он приходит к ней и куда уходит. Куда... к кому? Была ли она для него любовницей – одной из многих, или единственной подругой? Сердце шептало «да». Да, единственная, да, любимая... Но кто же в здравом уме доверяет такому непутевому органу?

– Что с тобой? – Кай внимательно смотрел на нее. – Изменилась в лице...

– Ничего, – Бруни отвернулась, делая вид, что вытирает передником совершенно чистый стол перед тем, как поставить на него поднос. – Когда мы увидимся?

Обняв за плечи, он развернул ее к себе.

– Не знаю. Могут быть дела, которые потребуют моего постоянного присутствия. Я приду, как только смогу!

– Хорошо, – покорно ответила она.

Подалась навстречу его прощальному поцелую, проследила, как он открывает дверь и выходит из комнаты. Постояла, стиснув руки на груди. А затем допила оставшееся в кувшине молоко и отнесла вниз поднос. Раз так получилось, она позавтракает на кухне, а затем окунется в каждодневные заботы, которые помогут ей пережить горечь расставания.

Сестры Гретель уже всю хлопотали в зале, расставляя скамьи и табуреты. Весь подметал на кухне пол, иногда совершая выпад черенком метлы в глаз воображаемому противнику.

Решительно застучали каблучки, и в трактир вбежала раскрасневшаяся Ванилла. Ее шею украшал кокетливый розовый платочек, а на поясе был подвешен зеленый бархатный кошелек, декорированный... свежей морковкой.

– Папочка, привет! – она ворвалась в кухню, поцеловала Пипа в лысину, чмокнула Бруни в нос и похлопала по щеке Веся, отчего тот скривился, будто девица покусилась на его лучший клык. – Нам нужны булочки, булочки, булочки! И как можно больше! Сегодня прибывает принцесса Оридана для знакомства со своим будущим супругом, принцем Колеем!

И она закружилась в танце, который причудливо сочетал в себе народный стиль и придворную жеманность.

– Очумела? – лаконично поинтересовался Пип.

– Да что с тобой? – засмеялась Брунгильда, хватая подругу за руку и заставляя остановиться. – И откуда эта сумочка с морковкой? Я у тебя такой не помню!

Ванилла посмотрела на отца, уже снявшего со стены большую миску для опары, прихватила поднос с завтраком и потащила в дальний угол залы, за тот самый столик, где обычно сживал господин Турмалин.

– Пип, я сейчас, – виновато сказала Бруни.

Повар, покосившись на нее, усмехнулся.

– Девчонки сопливые. Без секретов жизни не мыслите! Иди уж... Мы с Весем опару и без вас заведем! Правда, клыкастый?

– А то! – радостно кивнул папан, занося метлу в чулан.

Бруни, прихватив кувшин с морсом, поспешила к подруге, уже всю уплетающей хлеб с маслом.

– Я голодная как волк! – заявила та. – И дико хочу спать!

– Какое спать, у нас мерзавчики! – Матушка тоже отломил кусочек.

– Ты не то говоришь! – обиделась Ванилла, корочкой зачерпывая масло из плошки. – Ты должна была спросить: почему? Почему я голодная и невыспавшаяся?

– И? – подняла брови Матушка.

– Что – и?

– И почему?

– Потому что я влюбилась и провела ночь с волшебным мужиком! – пояснила подруга. – И еще у меня болит живот!

– Так быстро? – удивилась Бруни.

– Дура, – беззлобно фыркнула подруга. – Живот болит от смеха. Я смеялась всю ночь!

– Он тебя щекотал? – изумилась Матушка.

Ванилла подавилась морсом. Откашлявшись, подняла на Бруни покрасневшие глаза и сказала страшным шепотом:

– Я познакомилась с Дрюней!

– С кем? – не поняла Брунгильда.

– С Дрюней – любимым шутком его величества Редьярда Третьего! И мы... Как это говорится?.. Встречаемся уже две недели – вот!

Матушка разлила морс по стаканам, взяла себе яйцо и ломоть хлеба побольше и приготовилась слушать.

– Как-то на рассвете спускаюсь я в кухню. Ты знаешь, люблю первой приходиться, даже до повара еще! И вижу Дрюню! Сидит на столе и морковку грызет! Я, конечно, книксен сделала, как умела, – кто он и кто я? А он давай ржать! «Я, – говорит, – такую изящную коровеллу впервые вижу!» Ну, типа комплимент! «Как, мол, вас зовут, прекрасная незнакомка?» Слово за слово, мы с ним разговорились, пока я опару для утренних блинчиков заводила – король их страсть как любит, с творогом и вишней! А потом быстренько соорудила омлет с грибами, и мы с шутком позавтракали. И, представляешь, он оказался младшим сыном сеньора еще моего деда! Папка в город подался – на заработки, а родня наша так и живет в Руссе. И мы с Дрюней в детстве по одним и тем же оврагам лазали, в одних и тех же лесах живность ловили, купались в одной реке! Он даже мою любимую заводь знает – ловил там сомов иногда! Ну... поговорили и разошлись. А следующим утром смотрю – тут как тут. И опять с морковкой! «Всегда любил кухни, – говорит, – уютные они и искренние, не то что залы да будуары! А за тобой наблюдать, красавица, вообще одно физиологическое удовольствие! Ты сама как твои булочки – белая, пышная и уж, наверное, мягкая!» Видишь, слово-то какое подобрал – «физиологическое»! Я ему: мол, до моей мягкости вам – как мне до вашего титула. А он: «Это почему ж так? Я собой хорош, умен и деньжата водятся! Разве плохой кавалер?» Я и сказала, не предлагает ли он мне официально встречаться. Вот так прямо и заявила – «официально»! Пусть знает, что мы тоже не лыком шиты и о физиологическом удовольствии понятие имеем! А он морковкой в затылке почесал и отвечает: «Давай рискнем, красавица! Почему нет? Только об одном помни – у меня график ненормированный, от короля зависит. Так что я сейчас с тобой, а через секунду – с ним. И чтобы без обид!» На том и порешили!

– А вы уже?.. – Бруни многозначительно округлила глаза.

– Ты что? – высокомерно оскорбилась Ванилла. – Как можно? Мы же о-фи-ци-аль-но встречаемся, значит, все должно быть красиво и по правилам! Сначала задушевные разговоры, подарки, – она потрясла сумочкой перед Матушкиным носом, – прогулки под луной...

Не выдержав самой себя, Старшая Королевская Булочница хрюкнула и покатила со смеху. Бруни, уже давно с трудом сдерживающая смешки, тоже дала себе волю.

– Шутки шутками, подруга, – отсмеявшись, пояснила Ванилла, – а руки у него откуда надо растут! Знает, к чему и как их приложить, чтобы девушке удовольствие доставить! Но остального и правда пока не было! Пресвятыми тапочками клянусь!

– А чем же вы с ним занимаетесь... под луной? – удивилась Матушка.

– Болтаем, – усмехнулась Ванилла. – Обо всем на свете! Он уморительно смешной, языком мелет, как мельница. У меня иногда даже сил смеяться не остается! Настоящий он шут, этот шалопаи Дрюня, скажу я тебе, – с гордостью добавила она, – качественный!

– А я... – решила было признаться Брунгильда.

Но тут раздался грозный оклик Пипа:

– Ваше время истекло, болтушки! Пора тестом заняться! У нас сегодня горячий день!

И понеслась булочная страда – от рассвета до полудня, от полудня до заката. Лишь поздно вечером, когда за Ваниллой и мерзавчиками прибыла телега из дворца, Матушка присела перекусить на кухне, положив гудящие ноги на табурет. Пиппо, каждый вечер любовно отмывающий столы и инвентарь, с кряхтением потер поясницу и повел массивными плечами. Но лицо его выглядело довольным.

– Однако шустрого парнишку ты притащила, – похвалил повар, что с ним вообще-то редко случалось. – Мы сегодня на пять корзин больше сделали, чем в прошлый раз! Да он еще успел сгонять за специями на рынок!

– Доверил ему деньги? – восхитилась Матушка. – Не побоялся?

– Он же вернул подстаканники! – невозмутимо заметил Пиппо.

– Ты знал? – Бруни вскочила и звонко чмокнула его в щеку. – И ничего не сказал?

– Мне тоже было интересно посмотреть, что из всего этого получится! – лукаво взглянул повар. – Все, Бруни, я пошел домой! Надеюсь, день завтра будет полегче!

Помахав ему, Матушка вернулась к столу. Из зала доносились стуки и негромкие голоса: сестры Гретель и Вель убрали посуду и расставляли стулья. Через полчаса на двери появится табличка с надписью «Закрито» – тогда можно будет подняться к себе, ополоснуться прохладной водой, расплести тугую косу и, рухнув в постель, забыться до утра.

Бруни задумчиво грела пальцы о чашку с горячим морсом. Тупая усталость кружила голову, но она не отказалась бы от прикосновений сильных мужских рук к своему телу, от ночного шепота и тихого смеха, от замиранья – кожа к коже.

– Хозяйка, мы закончили! – крикнула из зала Ровенна. – До завтра!

– Сладких снов! – напутствовала их Матушка. – Вель, запри двери!

Ставни уже были закрыты. Поэтому оборотень задвинул засовы и, отчаянно зевая, направился было в свой чулан, но Бруни его остановила.

– Ты хорошо справляешься, – серьезно сказала она. – Пип похвалил тебя сегодня, а это дорогого стоит. Но я хочу знать – не зовет ли тебя дорога?

Мальчишка подобрался, будто намеревался прыгнуть. В глазах вновь мелькнул страх.

– Гонишь? – вместо ответа спросил он.

И Бруни поразила его готовности к худшему.

– Ни за что! Но хочешь ли ты сам остаться? Ведь я – человек. Не родное тебе существо!

Вель подумал и несмело улыбнулся в ответ.

– Хочу, – ответил он. – Здесь вкусно пахнет. И ты добра ко мне!

За все время пребывания в трактире он ни разу не назвал Бруни ни хозяйкой, ни госпожой. Скорее всего, даже угроза жизни не заставила бы его произнести эти слова по отношению к кому бы то ни было!

– Тогда давай потихоньку избавляться от бродяжьих привычек? – мягко предложила Матушка. – Негоже моему помощнику спать в чулане. Наверху есть свободная комната, хочу предложить тебе перебраться туда.

– Мне? – не поверил Вель. – Целую комнату – мне одному?

Комната когда-то была ее детской. Там стояли добротный шкаф для одежды, удобная кровать, стол и скамья, заваленная подушками. Трюмо Матушка при помощи Кая предусмотрительно переместила в свою комнату, решив, что дамское зеркало может оскорбить нежные пацанские чувства.

Бруни, сдерживая улыбку, встала и направилась к лестнице.

– Тебе, – не оборачиваясь, ответила она. – Тебе одному.

* * *

Кай не появлялся несколько недель. Вначале Бруни ждала его каждый вечер, засыпала с трудом, вздрагивая от каждого шороха, спала плохо, видя путанные сны, сулящие беду. Затем рассердилась сама на себя и, стиснув зубы, выкинула из головы все мысли о возлюбленном. Только пела тонкой струной тоска в душе да тело ныло, копя неизрасходованную нежность.

Король заказывал булочки ежедневно, поэтому Ванилла перебралась в трактир, лишь на ночь возвращаясь во дворец. Ее роман с Дрюней набирал обороты: шут подарил возлюбленной украшенный бубенцами букет из монеток, завернутых в конфетные обертки. «Купи себе что-нибудь этакое, красава! – посоветовал он. – Ну, конечно, когда все бумажки развернешь!» Бумажек оказалось много – Ванилла разбиралась с ними три вечера подряд, а когда подсчитала сумму, выяснилось: ее хватит на покупку нового платья, шали, туфель и сумочки со шляпкой в придачу!

– Это серьезное заявление! – воодушевилась Матушка. – Мужчина, готовый потратить деньги в объеме гардероба любимой женщины – достоин всяческого поощрения!

– Я поощрила! – неожиданно зарделась Ванилла.

– О! – только и сказала Бруни, ощутив нечто похожее на зависть.

Близился вечер «чистого» понедельника. Того редкого дня, когда трактир закрывался на генеральную уборку, а Матушка подсчитывала прибыль, относила деньги ростовщику и составляла список тех покупок, что не нужны ежедневно. После обеда Ванилла зашла за подругой, чтобы пригласить ее пройтись по лавкам – надо же было Старшей Королевской Булочнице как-то избавляться от неожиданно свалившейся на нее кучи денег!

– Заодно посмотрим, как провожают принцессу Оридану! – тормозила она Матушку. – Ожидаются Большой королевский эскорт и принц Колей на белом скакуне, безутешно машущий платком вослед возлюбленной!

– Принцесса уезжает? – удивилась Бруни.

За политикой она не следила, слухи и сплетни, щедро обсуждаемые в трактире, не слушала, так же как Пиппо не слушал девичьи разговоры.

– Ну, так они обручились, – пожалала плечами Ванилла. – Даже успели поругаться пару раз и посуду побить. В частности, приказал долго жить трофейный сервиз розового крейского фарфора, украшенный позолоченными стрекозами и бабочками. Стоил, между прочим, как целый экипаж!

– Откуда такие подробности?

– Дык супница почила об голову Дрюни, – хохотнула подруга. – Впрочем, голова у него крепкая! И не только голова!

После генеральной уборки, затеянной еще до рассвета, тело ныло, как после побоев, и Бруни рассчитывала полежать, позволив себе редкую роскошь вздремнуть в дневное время. Но Ванилла была настроена решительно. В конце концов, что это за удовольствие – тратить деньги в одиночку?

Сломалась Матушка, когда подруга, оглашая программу проводов, намекнула на первое появление на публике полка, целиком состоящего из оборотней.

– Да никто ничего об этом не знал, – пояснила она удивленной Бруни, в этот момент достающей из шкафа выходное платье и белую ажурную накидку, связанную крючком еще матушкой. – Видать, приказ от короля был, помалкивать. А вчера зашептали во всех углах. Охота взглянуть, как оборотни в мундирах смотреться будут!

Бруни подумала и не стала надевать туфельки в тон платью – запачкают в толпе. Сунула ноги в обычные башмаки, взяла сумочку, и девушки спустились вниз.

Весь, сдвинув отскобленные добела столы к стенам, тренировался с деревянным мечом, который сам выстругал из ножки сломанного стула. Совершал невозможные прыжки и кульбиты, закалывая невидимого противника. Зеленющие глаза горели злодейским огнем.

– Ты остаешься за старшего! – сообщила ему Бруни. – Запри за нами двери и никого не впускай. Я вернусь вечером.

– Не боишься? – поинтересовалась Ванилла, когда они вышли из трактира и отправились на Большую рыночную площадь, или, как ее еще называли, площадь Толстяка Фро.

– Не боюсь, – честно ответила Матушка. – Денег в кассе осталось немного. И потом, если он решит сбежать – мне не удержать его.

– А знаешь, – вдруг сказала подруга, – сердце подсказывает, что он у тебя приживется. Я, конечно, с оборотнями мало знакома, но вот поварят всякого возраста навидалась по самые уши! Оборотень не оборотень, пацаны все одинаковы, когда возраст козлийный!

– А у Веся козлийный? – рассмеялась Бруни.

– Еще чуть-чуть и начнется! – присоединилась к ней Ванилла. – Ой, смотри, петушки на палочке!

Словно судно под всеми парусами, Старшая Королевская Булочница устремила к лотку со сладостями. Матушка, усмехнувшись, поспешила за ней.

Они гуляли по Торговому кварталу, пока солнце не начало спускаться к горизонту. Накупили уйму вещей, причем Ванилла налегала на красивое белье, а Бруни – на обновки для Веслава и милые дамскому сердцу мелочи вроде гребней и шпилек. А затем игра духового оркестра, донесшаяся сверху, от дворца, заставила улицы и площади опустеть. Сами торговцы, оставив дело на помощников, поспешили на проспект, где должен был проследовать кортеж принцессы Ориданы.

Процессии, передвигавшейся по одной из самых широких улиц, покуда было не видно, но уже слышно. Жадная до зрелищ толпа приветственно улюлюкала, свистела и желала долгие лета обрученной паре.

Однако уже скоро кортеж поравнялся с двумя подругами. Смуглая брюнетка, с прикрытыми изящной кружевной косынкой волосами, ослепительно улыбалась из открытого экипажа видному блондину, гарцующему рядом на белоснежном скакуне, известном горожанам едва ли не больше самого принца. Жеребец по кличке Петр Снежный имел обыкновение сбегать из конюшни и неспешно прогуливаться по улицам, изымая с лотков торговцев фрукты и зелень. Сначала принц его наказывал, но хитрая скотина вновь и вновь находила способ ускользнуть. Наказания, ввиду бесполезности, прекратили, зато стали награждать золотым того, кто вернет гуляку во дворец.

Принцесса Оридана была не столько красива, сколько интересна, а принц Колей – хорош собой, будто сошел со страниц сказок. Правда, в народе его беззлобно называли шалопаем и бабником, но терпели, как терпят самого младшего братишку, которому родительской любви досталось больше, чем остальным.

Духовой оркестр, шествовавший в начале процессии, издавал звуки от величественных до бравурных. За экипажами Ориданы и ее свиты следовала Королевская гвардия – все как на подбор молодцы, выбранные из трех полков за рост, широкие плечи и обаятельные улыбки. Мундиры красного, синего и голубого цветов хаотично смешались, придавая ровным рядам вид будто с полотен безумного живописца. Офицеры, чья форма была украшена золотыми и серебряными аксельбантами, ехали по краям, сдерживая волнующихся, косящих глазом на толпу, великолепных скакунов.

Музыкальные инструменты бликовали от закатного солнца, пылали золотом и оранжем; будто волшебная паутина, накинутая на воинов, блестели аксельбанты, погоны и пуговицы; ослепительно белели косынка Ориданы и круп жеребца. Музыка, шум толпы и мерный топот копыт взлетали к небесам, обнажившимся ради такого случая до глубочайшей голубизны.

Матушка, открыв рот, смотрела на это великолепие и пыталась охватить взглядом сразу все. Ванилла то и дело тыкала ее круглым локтем под ребро и вскрикивала, не забывая вытаскивать изо рта ярко-красного петушка на палочке: «Смотри, какие ляжки! М-м-м... Мужчина с такими ляжками – это находка для страстной женщины!» или «Глянь на того! Какая челюсть! У него, должно быть, хороший аппетит, а значит, сил много для...» Дальше она щеголяла пойманными во дворце умными словечками, половину из которых Бруни не понимала. «Ах! – восклицала подруга. – Какая лошадка! Вон та, гнедая! А Петр-то, Петр! Не шагает – красуется, кобелина подкованный!»

Бруни разглядывала ляжки, челюсти и конские крупы и думала: сопровождай ее, невесту, этакая толпа народа – она со стыда спряталась бы под днищем экипажа! Однако Ориданае, похоже, проводы нравились. Принцесса крутила головой во все стороны, как маленькая птичка в поисках мошек, и пыталась царственно улыбаться, хотя темперамент то и дело прорывался наружу в резких движениях узкой ладони, приветствующей толпу.

«А вот тот хорош! Какая посадка головы! Ну вылитый благородный статуй!» – в очередной раз воскликнула подруга и с хрустом откусила петушку хвост.

Бруни, уставшая от впечатлений и шума, бесцельно скользила взглядом по всадникам, мечтая оказаться в собственной кухне. И вдруг зажмурилась на мгновение – будто солнцем ослепило. На вороном скакуне ехал ее Кай в темно-синем офицерском мундире, не устаивая толпу даже взглядом. Отрешенный, высокомерный, он был настолько не похож на себя, что она решила: ошиблась, приняв за другого. Однако, узнавая поворот головы, движение сильной руки, легко удерживающей рвущего поводья жеребца, ощутила одновременно и радость, и горечь. Радость – оттого, что видит его. Горечь – оттого, каким его видит. Этот Кай был истинным дворянином, который на таких, как Матушка Бруни, если не посмотрит с определенным интересом, значит, вообще не посмотрит!

Когда он проезжал мимо, Матушка опустила голову, сделав вид, что разыскивает уроченную шпильку. Ванилла во все глаза смотрела в другую сторону – в арьергард кавалькады.

– Ты погляди! – она чуть не выпрыгнула из толпы. – Вон они! Ну красавцы! Ну кобели!

– Кто? – удивилась Бруни.

– Черный полк Королевской гвардии. Оборотни!

Матушка, с тоской проводив взглядом облаченную в синее, удаляющуюся спину, приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Эти улыбок направо и налево не раздавали, шуточками с горожанками не перебрасывались. Ехали молча, плечом к плечу, смуглые, гибкие, с глазами убийц. Черные расшитые серебром мундиры подчеркивали природную грацию и силу поджарых тел. На них и смотреть-то казалось опасным, не то что преградить дорогу.

Бруни представила среди них Веслава – повзрослевшего, вытянувшегося, по-прежнему лохматого и опасного, как они. Такого, чтобы никто не смел обижать, бить, отбирать еду и... убивать близких.

О том, что родители Веся погибли от рук беснующейся толпы, Матушка узнала случайно. Однажды из чулана донеслись стоны: мальчик разговаривал во сне. Зашла, хотела разбудить, но... прислушалась и села рядом, затаив дыхание. Из вскриков и обрывков слов Бруни поняла, что клан проезжал маленький городок, полный ненависти к чужакам, и его жители спровоцировали ссору. А потом началось тотальное уничтожение. Слишком глубокий был страх простых обывателей перед теми, кто видел изнанку мира звериными глазами. Она так и не разбудила мальчишку тогда, стыдясь подслушанной тайны. Смотрела, как текут слезы по его щекам, комкала передник, и казалось: сердце разорвется от чужой заново переживаемой боли.

Кортеж наконец проехал мимо. Приветственные вопли покатались по направлению к порту. Толпа расходилась, шумно обсуждая принца с принцессой, гвардейские стати и... Черный полк.

– Не жди от таких добра! – пробурчал семенящий рядом старичок. – Убийцы и разбойники они. Какими были, такими и останутся!

– С паршивого волка хоть шкуры кусок, – резонно заметил парнишка из компании мастеровых. – Пущай родине послужат, чем бродяжничать да воровать! Аркей наш их в кулаке всяко удержит!

– Молод он ишшо! – проворчал старичок и юркнул в ближайшую подворотню, желая оставить последнее слово за собой.

– Не знаю, будет ли с оборотней толк в армии, – сообщила Ванилла, – но смотрятся они здорово! Сто раз подумаешь, прежде чем ввязаться с такими в драку! Что-то живот подвело! Пойдем поужинаем, подруга?

Бруни любила ходить в другие трактиры. Чудно было сидеть за столиком, разговаривать со служками, выбирать блюда. Она ревниво оглядывала чужие занавески, украшения на стенах, одежду прислуги. С любопытством пробовала еду, приготовленную чужими руками. При этом посещала подобные заведения лишь в компании Ваниллы или Пипа, не стремясь в одиночестве гулять по городу. В родных стенах ей было уютнее. Ванилла же обожала новые места и знакомства и с удовольствием делилась с Матушкой каждым открытием. В этот раз она потащила ее в трактир, расположенный в Торговом районе, неподалеку от площади Толстяка Фро.

На улицах было шумно и весело, как в дни ежегодного Праздника Прибавления. Приподнятое настроение горожан, как оказалось, было вызвано щедростью короля, оплатившего из казны выпивку в городе в этот вечер, о чем, едва кортеж достиг порта, раскричались глашатаи на каждой площади.

– Напьемся? – предложила Ванилла, когда они пришли в трактир.

Она попыталась живописно разложить вокруг своего стула складки юбки, потом плюнула на это дело, отцепила от сумочки морковку и принялась грызть, в ожидании заказа поглядывая в окно.

Матушка, улыбнувшись, покачала головой. Родители учили ее оценивать качество напитка, а не количество.

– Две кружки пива, – попросила она девушку-служку.

– И мужиков к нам не подсаживать! – добавила Ванилла. – Мы желаем тихого семейного ужина!

Служка, кивнув, убежала на кухню и вмиг вернулась с янтарным напитком в запотевших кружках.

– Семейного? – переспросила Бруни.

– Ты ж мне как сестра! – тепло посмотрела на нее подруга. – У меня есть младшая сестрица Персиана и средняя – Матушка Бруни! А что, Матушка, пойдешь ко мне подружкой на свадьбу? – совершенно неожиданно закончила она.

Бруни подавилась первым – самым лучшим! – глотком пива. Вытаращила глаза.

– Что – уже?

– Что «уже»? – кажется, обиделась Ванилла. – Надо и о будущем думать. Годков мне немало, мужиков подходящих и того меньше. А шут – должность при дворе знатная. Вторая после короля, как ни крути!

– А Дрюня? – уточнила Матушка. – Жаждет?

– Чего? – опешила подруга.

– Семейных уз.

Ванилла пожала плечами.

– А разве это имеет значение?

Мгновение обе с недоумением смотрели друг на друга, а затем расхохотались.

* * *

Разошлись засветло. На улицах прибавилось пьяных, облагодетельствованных королем. Правда, стало больше и патрулей городской стражи. Но обстановка явно не располагала барышень к поздним прогулкам без сопровождения. Потому Бруни вздохнула с облегчением, только когда Весь впустил ее в дом, затем предусмотрительно заперев засовы.

В трактире было убрано, не считая сдвинутых к стенам в зале столов и стульев.

– Допрыгаешь – расставь все по местам, – попросила Матушка, направляясь в кладовку, чтобы проверить запасы приправ. Судя по всему, завтра ожидается наплыв мающихся похмельем, а для такого дела лучше всего подходит легкий ароматный суп с особыми пряностями, унимающими качку в желудке и боль в голове.

Оборотень кивнул и подобрал с пола деревянный меч.

Матушка составила предварительное меню на следующий день и список необходимых продуктов и задумалась, что же приготовить на ужин.

– Весь, ты ел? – крикнула она в зал.

Парнишка бесшумно появился на пороге, будто из ниоткуда. Его зрачки лунно блеснули.

– Не-а...

Бруни, не ожидавшая его так быстро, даже вздрогнула.

– Чем бы нам с тобой поужинать? Хочешь, поджарю кусок мяса и картошку?

– Мясо! – снова сверкнул глазами Весь. – Не надо картошку!

Он вернулся было к своему занятию, но, подумав, отложил меч и предложил:

– Если ты хочешь картошки, давай я почищу!

– Хочу, – кивнула Матушка. – Ты чисти, а я расскажу тебе о проводах принцессы...

– Да что там интересного, в проводах-то? – забурчал парнишка, достав миску с ножом и отправляясь в подпол за картошкой.

– Ну, например, сегодня я видела целый полк твоих собратьев.

Весь резко обернулся, балансируя на верхней ступеньке лестницы, ведущей в подпол.

– Как это – полк?

– Полк. В составе Королевской гвардии. Они носят черные мундиры и выглядят настоящими бойцами. А главный у них – принц Аркей!

– Его ты тоже видела? – уточнил мальчишка.

– Может быть, – пожала плечами Матушка. – Я же не знаю, как он выглядит. Зато я знаю, что через несколько лет ты можешь стать таким же, как они!

В ответ раздался грохот. Это Весь свалился в подпол. Бруни, изменившись в лице, бросилась к лестнице.

Мальчишка сидел на полу, потирая затылок. Он поднял взгляд на Матушку, и она увидела в его глазах такую отчаянную решимость, что чуть было не попятилась назад.

– Как? – только и спросил Весь.

– Принц открывает для оборотней факультет в Военном университете. Так мне сказал Кай. Учеба будет бесплатной, но после нее тебе придется двадцать лет отслужить в королевской армии.

Мальчишка одним прыжком взлетел вверх.

– И ты отпустишь меня учиться? – серьезно спросил он.

– Отпущу, – ответила Бруни, сдерживая дрожь в сердце, очень похожую на материнскую. – Если на то будет твое желание!

Весь помолчал, пристально глядя ей в глаза, и это молчание было дороже золота. А затем резко развернулся и нырнул в подпол.

– Сколько картофелин чистить? – донеслось оттуда.

Она поразила его выдержке. Наверняка радость щекотала пятки, заставляя приплясывать на месте, распирала поющей птицей грудную клетку – ведь он впервые осознал, что может стать кем-то стоящим! Вернуться к своим, как в семью. Ступить на широкую дорогу, постеленную жизнью, ранее обещавшей ему лишь две тропинки в ямах да колдобинах – пути нищего и вора.

– Если ты не будешь – четыре!

Говяжьих ребрышки скворчали на чугунной сковороде, распространяя дивный запах жареного мяса. От картошки вился парок, на ее белых бочках плавился желтый кус масла. Ломти ржаного хлеба казались стенами крепости, возведенной на столе. Матушка вечеряла с Весем в тишине, нарушаемой лишь треском свечи.

Квартальный дежурный маг уже шел со своим посохом по улицам, касаясь им подвешенных на столбах стеклянных шаров и наколдовывая внутри синеватый холодный свет. Его негромкую песенку то и дело прерывали пьяные возгласы, ругань и шум потасовок.

Уличный гул почти не доносился до Матушки, а когда все же слышался, она, морщась, думала: как хорошо, что этот день пришелся на выходной! Потерянная прибыль не так пугала, как необходимость мыть изгвазданные полы, чинить сломанную мебель, вставлять новые оконные стекла и покупать посуду взамен побитой.

В дверь постучали. Сначала тихо, потом все сильнее. Надежда увидеть Кая, вспыхнувшая пожаром в сердце, не оправдалась – тот никогда не стал бы ломиться в дверь.

Прихватив свечу, Бруни вышла в зал. Крикнула:

– А ну уймись там! Что вам надо?

– Открывай, Матушка, нам охота выпить! – раздался голос Питера Коноха, одного из местных ремесленников.

Парень был свиреп видом, кустист бровями и огромен туловом – недаром работал молотобойцем у мастера Аскеля, кузнеца. Кроткий, как овечка, подмастерье, выпив, становился неуправляемым, поэтому спиртные домашние от него прятали, а Бруни – по личной просьбе его матушки, с которой он жил до сих пор, так и не женившись, – сильно разбавляла ему пиво и никогда не продавала более крепкие напитки.

Голоса, раздавшиеся следом, указывали на целую толпу измученных жаждой прихлебателей кузнечного подмастерья.

– Пит, мы сегодня закрыты! – спокойно, но твердо сказала Бруни. – Приходите завтра!

Дверь сотряс сильнейший удар.

– Какого хряка! – рявкнул Питер в ответ. – Мне охота выпить!

Створка затряслась. Матушка невольно попятилась, лихорадочно думая, что делать дальше. Бежать через заднюю дверь за стражей? Ворвавшиеся смутьяны разнесут и разграбят трактир так, что, вернувшись, она его не узнает. А то и подожгут – подобное уже случалось в соседнем квартале год назад.

Доски жалобно затрещали.

Сильная ладонь неожиданно подтолкнула Бруни за стойку – к выходу из зала.

– Беги за патрулем, – резко дергая ушами, прорычал Весь. – Я их задержу!

– Они не в себе! – испугалась Матушка. – Убьют тебя!

– Не уб-ю-ют... – провыл в ответ оборотень, начиная превращаться. – У-у-хо-ди-и...

Кинув последний взгляд на упавшего на пол и корчащегося в судорогах мальчишку, Бруни вздохнула и бросилась прочь.

К ее счастью, патруль как раз показался в начале улицы. Она набрала воздуха в легкие и крикнула изо всех сил: «На помощь!» И еще на всякий случай: «Пожар!» Метнулась обратно, оказавшись в зале как раз в тот момент, когда дверь слетела с петель, а несколько человек, размахивая горящими факелами и ножами, ввалились внутрь. И были остановлены низким

рычанием и яростным клацаньем зубов черного зверя, вздыбившего шерсть на холке и между острыми ушами.

Прижавшись спиной к стойке, Матушка разглядывала животное, больше всего напомиравшее волка-переростка. В своей человеческой ипостаси Веслав был жилист и худощав. Став зверем, он сохранил эти черты. Но она замечала, как бугрятся под кожей стальные мышцы, и старалась не смотреть на его оскаленную пасть.

Оборотень, чуть повернув голову, блеснул на Бруни лунным зрачком.

– А ну-ка, убирайтесь прочь! – звенящим от напряжения голосом крикнула Матушка. – Вон из моего трактира!

Будто ведомый ее голосом, Весь, низко зарычав, пошел вперед.

Топот сапог по дощатому полу возвестил о прибытии стражи во главе с давним знакомцем Бруни – сержантом Йеном Макхоленом по прозвищу Бычок. Патрульные, щедро раздавая направо и налево пинки и удары мечами плашмя, выгнали нападавших наружу. Всех, кроме Коноха. Подмастерье, больше похожий на разъяренного быка, сжимал пудовые кулаки и наливался кровью. Глаза у него были совсем бешеные.

– Шел бы домой, мамашка заждалась небось! – добродушно посоветовал ему сержант, однако Бруни видела, как он напряжен, ожидая от неменяемого какой-нибудь пакости.

Так и случилось. Взревев, Питер бросился вперед. Казалось, сейчас он сметет офицера, раздавит трактирную стойку, одну за другой проломит стены и выскочит с другого конца дома, распуская прохожих.

Черный зверь стремительно взвился в воздух, ударил всеми лапами подмастерье в грудь, повалил на пол и завис над ним, прихватив за горло.

– Тихо, тихо, – примирительно сказал Макхолен, подходя к ним, – он хорошо приложился затылком и оттого успокоился. Отпусти его, парень!

Весь выразительно посмотрел на Бруни.

– От... отпусти! – заикаясь от волнения, попросила она.

Зверь соскочил на пол. Подойдя к ней, сел рядом. Матушка машинально положила руку на его загривок.

Стражники скрутили возмутителя спокойствия и выволокли наружу.

– Представляю, что будет на свадьбе Ориданы и Колея! – хохотнул Бычок, поворачиваясь к Брунгильде. – Девочка, да ты побледнела! Испугалась?

Матушка мелко закивала, сползла по стене и расплакалась, обняв Веся за мощную шею.

– Ну-ну, – смутился Макхолен, не выносивший женских слез, – сейчас мои ребята дверь обратно приладят и все будет хорошо! А я, пожалуй, квартальный резерв на улицы выведу. Ибо только завтра наступят тишина и благодать, а сегодня творится сплошное непотребство!

С этими словами он вышел наружу.

Весь стойко терпел рыдания Матушки. Дышал глубоко, вывалив наружу ярко-красный язык, философски поглядывал в потолок. В конце концов, не выдержал, облизал Брунгильде нос и уши, заставив ее захихикать, и скрылся в подполе – преобразаться.

Стражники, кряхтя, водрузили дверь на место.

– Пригласи завтра плотника, – посоветовал сержант на прощание. – До утра-то она простоит. И если что – мои парни будут дежурить под тем фонарем!

– Спасибо, – бледно улыбнулась Матушка, сделав себе заметку отправить утром Макхолену домой корзину с мерзавчиками для него и сладкими вафлями для его дочек-двойняшек.

Заперев дверь, она устало вернулась на кухню и села за стол.

Весь в человеческом облике с удовольствием догрызал последнюю порцию ребрышек. Подперев голову рукой, Матушка разглядывала его тонкую шею, выпирающие в вырезе рубашки худые ключицы, неистовые кудри, отросшие уже ниже плеч и перехваченные кожаным ремешком.

– Почему ты не защитил себя? – тихо спросила она. – Когда убивали твоих родных, когда тебя ловили и мучали – почему ты не сделал, как сейчас? Ты же сильнее человека, намного сильнее!

Оборотень осторожно, будто боялся сломать, положил последнюю несъеденную косточку на тарелку. Подумал, подбирая слова, и наконец ответил:

– Потому что я не убийца! Я могу охотиться, когда голоден... Но я не убийца!

Матушка встала и, проходя мимо к лестнице, поцеловала его в теплую макушку.

* * *

Наутро прибежал взволнованный Пип, до которого дошли слухи о ночном происшествии. Схватив Бруни за плечи, потряс, словно проверяя, все ли у нее на месте, погладил по щеке и, обняв, крепко прижал к себе. Не привыкшая к подобным проявлениям чувств с его стороны, Матушка, страшно смущаясь, поклялась ему в собственной целости и сохранности.

Веслав, отправленный с утра пораньше за плотником, вернувшись, тоже удостоился своей порции объятий, против которых шумно выражал недовольство, отпихиваясь, выворачиваясь, клацая зубами и ругаясь, как портовый грузчик. Даже сестрички Гретель, которые до сих пор относились к нему с недоверием и опаской, потрепали его по кудрям в знак похвалы.

А вечером Матушка увидела Кая, входящего в зал. Не глядя по сторонам, он прошел за стойку, взял ее за руку и увел наверх. И на лестнице обнял и прижал к себе так крепко, что Бруни позабыла дышать.

– С тобой все хорошо? – спросил он.

Хриплый голос выдал тщательно скрываемое волнение.

– Узнал про нападение, да? – пискнула сдавленная в стальных объятиях Матушка и вдруг, упершись ладонями ему в грудь, с силой отстранилась. – Где ты был столько времени?! Я так ждала!..

Подняв ее на руки, Кай перешагнул порог комнаты. И ожег жадным шепотом:

– А у меня больше нет сил ждать!..

Словно плотный кокон укутал обоих – ни посторонних звуков с улицы или снизу, с кухни и из зала, ни дневного света из окон. Мир сузился до шепота и прикосновений губ – к губам, кожи – к коже.

После Бруни прильнула к груди Кая щекой и затихла, слушая бешеный стук сердца. Его чуть шершавая ладонь гуляла по ее бедрам и спине, выводила загадочные знаки на плечах и груди.

Вдруг, приподняв Бруни над собой на вытянутых руках и глядя ей в глаза, он попросил:

– Прости меня!

– За что? – удивилась она, потянувшись ладонями к его лицу. Прикрыла веки, глядя его по щекам, подбородку, шее, будто пыталась вспомнить на ощупь.

Кай снова крепко обнял ее:

– Я не смог защитить тебя...

И замолчал. Недосказанность пала между ними лезвием тишины. Тяжелым... Ранящим...

– Я видела тебя вчера, – торопясь разбить эту тишину, произнесла Матушка и удивилась тому, как вмиг окаменели его мышцы, будто он превратился в статую. – Гвардейский мундир тебе к лицу!

– Синий – хороший цвет, – коротко выдохнул Кай.

– Но почему именно полк принца Аркея? – уточнила она.

Кай помедлил с ответом. Потом пожал плечами.

– Я его ровесник, наверное, поэтому...

– Ты участвовал в прошлой войне? – продолжала Бруни.

За все время отношений между ними это был первый разговор, в котором она могла хоть что-то узнать о любимом.

Он поцеловал ее в лоб, встал, подошел к окну. Коротко ответил:

– Да.

Подперев голову рукой, Бруни разглядывала его – обнаженного – и ловила себя на мысли, что эти мгновения наедине омрачены толикой печали. Да, она любит его, но никогда не назовет своим! И Каю она нужна – но не настолько, чтобы, презрев правила, он сделал ее женой...

– Я сказала Весю про новый факультет, – произнесла она, страшась молчания. – Он хочет учиться и служить Родине, как его собратья из Черного полка.

Кай с интересом обернулся.

– Ты их тоже видела вчера? Хороши, правда?

– Правда, – кивнула Матушка. – Но они такие... пугающие!

Он рассмеялся, вернулся, сел на край кровати и, посадив Бруни на колени, укутал в одеяло. Спросил неожиданно:

– Сколько лет твоему парнишке?

– Я... я не знаю! – растерялась она. – Время оборотней долговечней человеческого, а признаки возраста мне неизвестны.

– Понял, – кивнул Кай. – Тогда я попрошу взглянуть на него Лихая Торхаша Красное Лихо, уж он-то не ошибается в таких вещах!

– А кто это? – удивилась Матушка.

Такое странное имя она слышала впервые.

– Это их полковник. Он оборотень и мой побратим.

– Твой побратим – оборотень? – испугалась Бруни. – Что это значит? Он тебя укусил?

Кай посмотрел с изумлением, а затем расхохотался так, что повалился на кровать, увлекая ее за собой.

– Нет, – пояснил он, отсмеявшись. – Просто однажды я спас жизнь ему. А он отплатил мне тем же. Это случилось давно, еще до войны. А на войне мы уже и не считали, сколько раз отводили смерть друг от друга... Когда он придет, угостишь его мясом с кровью? Он обожает стейки!

– А когда он придет? – с опаской поинтересовалась Бруни, ловя жадные руки, вновь отправившиеся гулять по ее телу.

– Завтра, – шепнул Кай, целуя ее в шею, – это все завтра...

* * *

Питер уже минут пять топтался на пороге, как растерянный медведь, не решаясь войти, когда Ровенна сообщила Матушке о его появлении.

Покинув кухню, Бруни вышла в зал и остановилась перед подмастерьем.

Едва взглянув на него, вспомнила свой страх той ночью – не за себя, за Весю и родной дом. Вытянулась в струну, сжала кулачки и требовательно спросила:

– Ну?

– Ма... Матушка Бруни, прости меня ради Пресвятых тапочек богини Индари! – взмолился красный как рак Питер и окинул взглядом примолкших посетителей трактира. – Ничего крепче морса больше в рот не возьму! Вот будьте мне все свидетелями! Маменькой клянусь!

Он так и сказал – «маменькой». И как ни зла была на него хозяйка трактира, сердце ее дрогнуло. Она посторонилась.

– Входи, Питер. И помни – ты дал слово!

Но молотобоец не спешил перешагнуть через порог.

– Позволь мне отработать вино? – попросил он. – Что я могу сделать для тебя, Матушка? Починил бы дверь... – он вновь густо покраснел, – да она уже исправна!

– Пускай дров наколет, – предложила практичная Ровенна, остановившись рядом и переглянувшись с сестрой.

Трактир отапливался углем, но наверху, в комнате родителей, где теперь спала Бруни, стоял маленький дровяной камин, когда-то сложенный Эдгаром для молодой жены. Матушка, продолжая традицию, недавно заказала телегу яблоневых чурбаков и мечтала расколоть их на полешки и щепочки для растопки, да руки никак не доходили.

Обычно молчаливая Виеленна неожиданно вмешалась, заявив в приказном тоне:

– Иди за мной! Найдется для тебя работенка!

Подмастерье двинулся через зал под одобрительные возгласы и смех посетителей, радующихся благополучному разрешению конфликта.

– Давай-давай, – поторопила младшая Гретель, крепко пристукнув его по хребту, – шевели граблями!

От удара Гренадерши зубы Питера клецнули, а сам он споткнулся и чуть не упал. После чего поглядел на Виеленну с интересом.

Матушка, улыбаясь, собиралась вернуться на кухню, как вдруг увидела в дверях нового посетителя, чья высокая фигура на мгновение заслонила дневной свет. Шум в зале стих, сменившись осторожными шепотками. Гость остановился на пороге, лениво оглядывая зал ярко-оранжевыми глазами с кошачьими зрачками. Его темно-рыжие, будто языки пламени, длинные – ниже лопаток – волосы были заплетены в простую косу, а широкие плечи обтягивал... черный мундир с золотыми эполетами.

Бруни судорожно вздохнула и поспешила навстречу полковнику Лихаю Торхашу Красное Лихо.

– Добрых улыбок и теплых объятий, господин! – приветствовала она. – Свободные столики есть справа у окна и у дальней стены, в углу.

Лихай бросил на нее короткий взгляд и прошел в угол. Шагал он так, что Матушке захотелось сбежать: в каждом движении ощущались темперамент и сила, скрученные волей в тугой жгут. Страшно было подумать, что может случиться, если однажды воля даст слабину!

Гость сел и оглядел Бруни с ног до головы, да так внимательно, что ей стало не по себе. Ни намека на похоть не было в его взгляде, однако Матушка ощутила себя тем самым плохо прожаренным куском мяса, о котором упоминал вчера Кай.

– Желаете пообедать или принести легкие закуски? – нервно заведя выбившуюся из косы прядь за ухо, спросила она. – Если пообедать, могу предложить суп из куриных потрошков и говяжьё отбивную.

– Я пришел не за этим, – заметил Лихай и усмехнулся, обнажив великолепные белые зубы. Клыки чуть выступали вперед и были не по-человечески остры. – Но неси мясо, хозяйка. И позови своего приبلуду.

Матушка чуть сощурила глаза.

– Его зовут Веслав, господин. И он больше не бродяга. Сейчас я займусь вашим заказом.

Полковник молча кивнул. Насмешка в оранжевых глазах грозила подпалить скатерть. Бруни стиснула зубы и, резко развернувшись, отправилась на кухню. Пиппо, с самого утра проинструктированный, какого рода посетителя следует ждать, уже ставил на плиту чугунную сковороду.

– Где Весь? – спросила Матушка, не застав мальчика на кухне.

– На заднем дворе, помогает Питеру.

Повар выглянул в зал, бросил короткий взгляд в угол и буркнул сердито:

– Эких головорезов привечаем. Того и гляди народ деру даст из трактира!

– Мясо для него должно быть слабой прожарки, почти сырое, – не обращая внимания на ворчание, напомнила Бруни, споро собрала на поднос тяжелую кружку с горячим морсом и тарелку с сырными хлебцами и, выглянув на задний двор через вторую дверь, позвала Веслава. Тот появился – раскрасневшийся от физической работы, с горящими весельем глазами.

– Что?..

И застыл. Сделал осторожный шаг по направлению к залу... потом еще один. Выглянул из-за занавеси. Кончики его ушей забавно задергались, выражая хозяйское волнение.

Удерживая на одной руке поднос, второй Бруни мягко подтолкнула мальчишку в спину.

– Иди за мной!

Пока они шли, полковник ждал без единого движения. Лишь пугающе блестели глаза да чуть подергивались ноздри, будто Лихай принюхивался.

Матушка составила с подноса посуду и ободряюще положила руку на плечо Веслава. Парнишка мелко дрожал, но, похоже, больше от волнения, чем от испуга.

– Назови свое имя и клан! – приказал Торхаш.

Весь молчал, будто язык проглотил.

– Ну же, – мягко сказала Бруни.

– Веслав Гроден из Черных ловцов.

Лихай постучал по столу длинными сильными пальцами.

– Подойди.

Матушка с сожалением убрала руку.

– Покажи ладони... Открой рот... Повернись... Приподними волосы на затылке...

Приказы следовали один за другим. Веслав подчинялся беспрекословно, но был так бледен, что казалось: сейчас или в обморок упадет, или перекинется и покусает ревизора.

– Имени крови тебе, я так понимаю, дать не успели, – задумчиво произнес полковник, наконец закончив осмотр. – Сколько ты бродяжничал после гибели семьи?

– Семь лет, – не задумываясь, ответил мальчишка.

– Умеешь читать и писать?

Весь кивнул.

– А на языке крови?

Последовал новый кивок, далеко не такой решительный.

– Не помнишь, – констатировал Лихай и перевел взгляд на Бруни. – Присядь, хозяйка, побеседуем. А ты, – взгляд, подаренный Весю, был по-прежнему насмешливым, но не злым, – можешь идти.

– Если позволите, я принесу мясо, – дежурно улыбнулась Матушка.

Пип сунул тарелку ей в руки, едва она переступила порог. Кусок, сочащийся розовым соком, был украшен зеленью и клюквой. Повар перевел взгляд на Весю, словно спрашивая, как все прошло. Бруни, тяжело вздохнув, пожала плечами. И отправилась обратно.

– Хорошо пахнет, – заметил Лихай, берясь за вилку и нож. – Вижу, пацан прижился здесь. О том, как он пытался защитить тебя, тоже наслышан.

– Он не пытался, – поправила Матушка, – он защитил!

– Наивная девочка, – оборотень отправил первый кусок мяса в рот. – Его спас момент неожиданности и скоро подоспевший патруль. В противном случае мальчишку забили бы, как бешеного пса. Страх перед нами у вас, людей, в крови.

– А почему? – вдруг спросила Бруни. – Почему это произошло?

Лихай поднял брови.

– Ты действительно хочешь знать?

– Да!

– В начале времен мир был дик, и населяли его свирепые существа. Только такие, как мы, могли справиться с гигантскими хищниками и не умереть от голода зимами, которые длились

десятилетия. Затем климат стал меняться, животные – мельчать, боги – капризничать. Они решили создать для себя новую игрушку и сваяли вас, наделив при хрупкости плоти редкой способностью к приспособляемости разума. Они дали вам возможность заселять мир, обеспечив легкое и быстрое размножение. И, несмотря на наше недовольство, поддержали вас в первой войне между оборотнями и людьми. Войн было еще много. Вы быстро восстанавливали свои ряды, а у нас пары и до сих пор создаются один раз и на всю жизнь и, если гибнет один из двоих – род прекращается. Постепенно из властелинов мира мы превратились в изгоев, а потом – в бродяг, воров и убийц, которыми матери пугают детей. Мы совершили ошибку, не приняв во внимание угрозу по имени человек. Мы могли бы сотрудничать с вами или... уничтожить. Но момент был упущен. Поэтому, маленькая хозяйка, мы имеем то, что имеем.

Торхаш говорил спокойно, будто лекцию читал. Ни затаенной обиды, ни скрытой ярости не замечала Бруни в горящих, как угли, глазах, но ей было страшно. По-настоящему страшно от холодного и отстраненного тона его голоса.

Полковник замолчал, глотнул морса, и, похоже, напиток пришелся ему по вкусу. На сухарики он даже не посмотрел.

– А почему принц Аркей помогает вам? – Матушка нашла в себе смелость задать вопрос, который давно ее волновал.

– Принц – государственный деятель, – пожал плечами полковник. – Он любит свою страну и желает для нее блага. Травля и жестокие убийства моих собратьев не красят граждан этого государства – и в этом первая причина. Мы можем и хотим служить стране, которую считаем своей, как и те люди, что убивают нас. И в этом причина вторая! Он пытается сделать шаг, пропущенный в прошлом, сплотив нас в единый народ.

– Но у него тоже был выбор, – тихо сказала Бруни и тоскливо посмотрела в окно, вспомнив залитые страхом глаза Веся. – Он мог бы решиться на уничтожение...

Лихай взглянул на нее уже без насмешки.

– Ты права, маленькая хозяйка, – произнес он. – Ты права...

– Меня зовут Матушка Бруни, – поправила она. – Спасибо, что нашли время рассказать мне о прошлом, – я всего этого не знала!

– Человеческая память недолговечна! – усмехнулся полковник.

Матушка лишь пожала плечами, ведь он говорил правду.

Лихай не без сожаления отодвинул пустую тарелку.

– По людским меркам Веславу около двенадцати лет, – сказал он. – В его принадлежности к Дикому братству у меня сомнений нет. А это значит, что в начале осени он может подать прошение принцу Аркею о зачислении его на спецфакультет Военного университета. Мне, конечно, придется пообщаться с ним еще – проверить, действительно ли он умеет читать и писать и насколько плохо у него с языком крови – родным языком нашего народа, но это уже мелочи!

Бруни сжала руки, сдерживая волнение, и медленно встала. Любого другого она расцеловала бы за добрую весть, а с Лихаем чувствовала стеснение.

– Вы зажгли для меня солнце, мой господин! – тихо сказала она. – А ему – дали надежду...

На мгновение Бруни показалось, что полковник сейчас что-то скажет ей... Что-то важное! Но он промолчал. Кинул на стол золотой, поднялся, допил оставшийся в кружке морс и вышел, не прощаясь, – высокий, гибкий, стремительно-опасный.

Лишь когда он покинул трактир, Матушка сообразила, отчего он так и не притронулся к сухарикам. Они были натерты чесноком!

* * *

Бруни не решалась заглянуть в старинное, от матушки доставшееся трюмо. То самое, что они с Каем перетащили в спальню из бывшей детской. Из мягко занавешенной чернотой глубины смотрела незнакомка с бледной кожей и огромными серо-голубыми глазами. Их цвет подчеркивали великолепные синие опалы ювелирного гарнитура, который ее заставил применить Кай. Она отнекивалась, отказывалась, протестовала, но, целуя, он подавил сопротивление, сам продел в маленькие ушки длинные серьги в форме капли, с благородным синим камнем в окружении мелких бриллиантов, сам застегнул на ее шее ожерелье, сработанное в виде дорожки опаловых и бриллиантовых брызг. Ожерелье изящно облегло шею и стекало искрящимся водопадом глубоко в декольте. Гораздо глубже, чем позволяла себе хозяйка трактира, предпочитающая платья, закрытые до самого горла.

Но сейчас на ней не было платья.

Не было ничего, кроме гарнитура, отсветы которого волшебными прикосновениями украшали ее, делая лицо загадочным, шею – лебединой, а ямочки над ключицами – изящными и волнующими.

Кай стоял сзади, положив ладони ей на плечи.

– Как ты красива, – прошептал он, лаская ее взглядом. – Посмотри на себя!

Приказу в его голосе Матушка не могла не подчиниться. Но, подняв глаза, посмотрела не на себя – на него, на любимого. Зеркальная рама неожиданно представилась ей рамой портрета, на котором были нарисованы совсем незнакомые люди. Женщина с открывающей шею и плечи высокой прической, в великолепном синем бархате пышного платья и сиянии драгоценностей. И мужчина за ее правым плечом в того же цвета мундире. Подобную пару она могла представить на картинке из сказки, которую матушка рассказывала маленькой Бруни, засыпающей под шум, доносящийся снизу – из трактира. Но никак не в оправе старой, местами треснутой зеркальной рамы.

Кай мягко подтолкнул ее к себе, и она невольно откинула голову ему на плечо. Он провел по ее шее пальцами снизу вверх, очертил скулу и маленькое ушко... Опал качнулся, внутри его океанской голубизны заиграли солнечные искры, будто и впрямь на морском просторе лучи трогали гребни волн и тонули в них, рассыпаясь золотой пылью. Рука Кая медленно двинулась вниз по ожерелью, в ложбинку...

– Это гарнитур моей матери, – вдруг сказал он, и Матушка, разомлевшая от ласк, открыла глаза. – Дивно идет тебе... Она была бы рада видеть это.

– Была бы?.. – переспросила Бруни.

– Она умерла, – с грустью ответил Кай. – Отец после ее смерти так и не женился.

– А ты? – сорвалось вдруг с языка, и Матушка не успела себя остановить.

Испуганно зажала ладонями рот.

– Что я? – удивился Кай.

Незнакомка в зеркале бросила на Бруни высокомерный взгляд. «Кто я и кто – ты, – укором жгли ее глаза. – Корова в конском седле? Простушка, возомнившая себя королевой? Стыдись!»

Дрожащими руками Бруни принялась расстегивать ожерелье.

– Что случилось? – нахмурился Кай.

– Зачем ты принес мне его? – тихо спросила она и осторожно, будто боясь разбить, положила ожерелье на туалетный столик.

И взялась за сережку.

– Эти украшения, они... чудесны, но разве могу я носить их? Я – дочь Хлои, дочери трактирщика, и Эдгара, морского бродяги? Неужели... – она резко обернулась, не стыдясь наготы, – неужели ты хотел посмеяться надо мной?

Кай пораженно отступил.

Опалы загадочно мерцали на столике и в зеркале.

– Я хотел отдать их тебе! Подарить на день рождения, который у тебя завтра – мне сказал об этом Пип!

– Подарить? – Бруни прижала задрожавшие руки к груди. И вдруг рассмеялась смехом, в котором непонятно чего было больше – веселья или горечи. – Мне подарить? И куда я стала бы носить их, любимый? Подавать пиво мастеровым? Или на рынок за продуктами? Они же стоят как весь мой трактир и половина квартала в придачу!

– Ох, – Кай с размаху сел на кровать. – Я не подумал... Но я так хотел, чтобы ты их примерила!

Матушку душили злые слезы. Только что, в зеркале, она увидела будущее, которого у нее не могло быть. Увидела, разглядела, почти дотронулась. Она так долго держалась, не заикаясь о его жизни, подавляя в себе желание спрашивать, спрашивать, спрашивать, ибо тот, кто любит, хочет дышать одним воздухом с любимым, думать одни с ним мысли и видеть одни с ним сны... И вот, эти проклятые дивной красоты камни легко разрушили преграду молчания, выстроенную с таким трудом!

– Ответь мне, пожалуйста... – не глядя на Кая, попросила она. Нашупала на полу свою сорочку и накинула, чтобы скрыть наготу – будто границу провела. – Скажи, ты женат?

Кай встал. Молча и деловито собрал разбросанную по комнате одежду и принялся одеваться.

Матушка смотрела на него распахнутыми глазами, а в памяти не блекли, мерцали созвездиями два сиятельных образа – женщины в синем платье и мужчины за ее плечом.

Кай прошел мимо, едва не задев ее. Небрежно сгреб гарнитур в карман камзола и, не глядя на Бруни, собрался уходить. Но не выдержал, обернулся на пороге. На лице его мелькнула та отстраненность, что она увидела в день проводов принцессы Ориданы.

– Не женат, – по-военному четко ответил он. – Но у меня есть... обязательства.

И вышел, закрыв за собой дверь.

* * *

Бруни промучилась всю ночь, невольно прислушиваясь, не постучит ли в дверь решивший вернуться Кай.

Но он не пришел.

Утро выдалось туманным: дело шло к осени, и это ощущалось в излишней свежести воздуха, в холодной росе, покрывшей камни мостовой.

Матушка умылась, заплела косу и спустилась в кухню, так и не посмотрев в зеркало.

Разглядев ее бледное личико и глаза, красные от слез, Пип, уже шурующий в кухне вместе с Весем, лишь покачал головой. Сунул ей в руки расписную тарелочку с ее любимым крейским пирогом, трогательно украшенным настоящей розой.

– С днем рождения, девочка! – сказал повар, целуя невысокую хозяйку трактира в макушку. – Долгие лета и счастья полные закрома!

Как ни грустна была Бруни, вид и запах лакомства подняли ей настроение. Пирог этот был верхом поварского искусства, ибо требовал многочасового приготовления, начиная с обработки теста, получавшегося многослойным, нежным, тонким, но плотным, способным удерживать восхитительную сырную начинку с зеленью и пряностями. Есть деликатес, выпекаемый

в форме лодки, следовало так: сначала надо было откусить «нос» и высосать начинку, а после закусить тестом.

Пирог, только что вытасченный Пиппо из печи, «дышал» горячим воздухом и распространял дивные ароматы нежного сыра, теста и розы, умирающей от жара. Сестрички Гретель, подошедшие, как и повар, пораньше, подхватили Матушку под ручки и провели за столик у окна, будто дорогого гостя. Принесли горячий морс, золотистую, густую, нарезанную ломтями пшеничную кашу и круг масла, плачущий ледяными слезами. Веслав, выступив из-за широких спин служанок, смущенно поставил на стол вырезанную ножом из дерева лошадку.

Матушка оглядела их, столпившихся вокруг: серьезного Пиппа, грозных сестричек, лохматого Веся, еще не успевшего убрать кудри под косынку... и не смогла сдержать слез. Вот ее семья – и другой не надо! Не опалы и бриллианты ей носить – а подносы с тарелками и кружками!

Порывисто вскочив, она обняла всех – насколько рук хватило. И расцеловала, куда придется. Оборотень протестующе взвыл и, вывернувшись, сбежал на кухню.

– Ну, все-все, – Пиппо, оторвав Матушку от себя, сердито ее встряхнул. Глаза его тоже были на мокром месте. – Вечером обещали заявиться мои дочки и несколько наших старых знакомцев. Вот тогда и отпразднуем. А пока завтракай госпожой, но возвращайся на кухню...

– ...хозяйкой, – довершила за него Бруни. – Спасибо вам, дорогие мои! Что бы я без вас делала!

После завтрака ежедневные хлопоты поскакали сорвавшимися с привязи лошадьми.

Григо Турмалин, будучи одним из приглашенных на праздничный ужин, пришел раньше обычного. Кинул быстрый испытующий взгляд на встретившую его Матушку и отправился в любимый угол – попить горячий морс с медом и дымить добротной трубкой. Шепнул лишь: «О подарке вечером!» Ближе к обеду зашел Томазо Пелеван с презентом от себя и супруги – шалью, расшитой пышными гроздьями сирени, собственноручно ею связанной. А под вечер в трактире появилась глава Гильдии прачек Клозильда Мипидо, или, как ее называли, Туча Клози. Матрона размерами не уступала Питеру Коноху, а толщиной красных рук так и вообще его превосходила. Прошли времена, когда она отбивала белье на берегах водоемов, а затем в туманных преисподних столичных прачечных. Нынче Клозильда сама вела бухгалтерию гильдии, просматривала кандидатов на прием и жестоко избавлялась от прачек, крутивших шашни с клиентами. «Вы не шлюхи, – грозила она пальцем, больше похожим на сардельку, – помните об этом! Коль желаете сношаться – ступайте на улицу Алых подвязок в Гильдию почтенных шлюх, там всех принимают... после трехсотого клиента!» Исключение составляли случаи, когда заказчик выражал желание жениться. Небольшая сумма в карман Клози плюс приглашение на свадьбу – и благословение молодым было обеспечено, а место в гильдии оставалось за невестой.

Поскольку трактир Матушки Бруни находился аккурат под бочком здания гильдии, неудивительно, что все праздники прачки отмечали у нее. Посетители мужского пола в такие дни испарялись, памятуя, что страшнее пьяных прачек могут быть только оборотни, отведавшие человеческой крови. Туча Клози и сама любила заходить к Бруни. Напивалась она редко, но метко, поскольку, несмотря на все вышесказанное, имела влюбчивое сердце, периодически наполняемое нежным чувством то к мальчику-разносчику воды, то к священнику из соседнего храма, то к приказчику из магазина нижнего белья.

Нынче Туча была навеселе. Одарила Матушку смачным поцелуем и двуспальным комплектом дорогого батистового белья, заняла любимый столик у двери – чтобы наблюдать за входящими и комментировать незнакомцев, и потребовала пива.

– Одним гостем вечером у нас больше! – вздохнул Пиппо, выглянув в зал и узрев Тучу в полосатом, как арбуз, платье. – Вилен, пригласи Питера на ужин!

– Это еще зачем? – неожиданно зарделась та.

– Будет кому Тучу домой тащить, – захохотала старшая Гретель, – а ты подмогнешь. Все удовольствие – друг об друга боками потереться под тяжестью госпожи Клозильды!

Виеленна бросила на сестру убийственный взгляд, стянула с гвоздя плащ и... отправилась к Питеру в кузницу, благо идти было недалеко.

– А ты не слушай! – повар одарил Веся подзатыльником. – Иди барашка замаринуй на вечер... Ишь, уши наострил, малолетка клыкастый!

Бруни, скинув поднос с грязной посудой в чан, повернулась к Ровенне.

– Я пойду посижу с ней немного. Раз она требует пива, а не вина, значит, опять влюбилась!

– Упаси меня Пресвятые тапочки от всех любовей! – отрезала старшая Гретель. – Одна головная боль от них и задержки, и никакой пользы!

Матушка тяжело вздохнула. После бессонной ночи голова у нее и на самом деле побаливала. Правда, задержек еще не случилось, несмотря на то, что с Каем она спала уже пару месяцев и ничего против возможной беременности не предпринимала.

Подумав о ребенке от любимого, Бруни до крови прикусила губу и прихватила две кружки пива вместе одной. В конце концов, день рождения у нее сегодня или нет?

– Девонька, – икнув, приветствовала ее Клозильда. – Ты – мыльная пена для моей души, о-дэ-колон для моего сердца! Давай сюда!

И она совершенно по-младенчески замахала толстыми, в перетяжках, руками.

Матушка умудрилась всучить ей кружку с пивом, не пролив ни капли, и присела напротив.

– Давай выпьем за любовь! – икнув уже дважды, предложила Туча. – Это такое чуйство... Чуйство полета! Когда есть это чуйство – душа поет псалмы! «О богиня чертогов пресветлых, в мягких ботах ступая по миру, ты ласкаешь лошадок рассветных и терзаешь души моей лиру!»

Клозильда так и говорила – «чуйство». И вот это самое «чуйство» привязалось к Брунгильде как банный лист известно к чему. «У меня такое чуйство к Каю, – выскочила мысль, – такое чуйство!..»

– Тьфу ты, напасть! – шепотом выругалась Матушка и, стукнув кружкой по кружке распевавшей псалмы Тучи, сделала порядочный глоток.

Под ставший бессвязным шепот Клозильды о светлом «чуйстве», делающем жизнь краше, и о кровяной колбасе, которую прачка обожала, Бруни тоскливо потягивала пиво, поглядывала в окно и поддакивала в особо метафизические моменты диалога. И поминутно ловила себя на том, что ждет, не покажется ли на площади знакомая высокая фигура в простом черном плаще.

Когда посетителей прибавилось, Матушка, чмокнув Клозильду в пухлую щеку и еще раз поблагодарив за подарок, поспешила на кухню.

В этот вечер трактир закрыли на пару часов раньше. Сдвинули несколько столов, накрыли праздничный ужин. Пип отправил именинницу переодеваться, а сам остался встречать гостей: кроме уже подошедших Томазо Пелевана, его жены и троих детей, одинокой тоскующей Клозильды, Григо Турмалина, с предвкушением оглядывающего стол, Виеленны с красным от смущения Питером, должны были прибыть Ванилла и ее младшая сестра Персиана с мужем и детьми, а также Висту Вистун – глава Гильдии гончаров. Последний в трактир заходил редко, но постоянно заказывал обеды на вынос, а к мерзавчикам так привязался, что покупал их почти столько же, сколько весь королевский двор.

Бруни ждала, что Ванилла появится пораньше и поможет ей сделать красивую прическу – набралась она куаферского мастерства у дворцовых горничных. Однако подруга запаздывала. Снизу уже доносились радостные крики двоих внуков Пиппо, которые пришли с Персианой, а ее сестры слышно не было.

Матушка надела праздничное платье – белое, в мелкий синий цветочек, и переплела косу. Взглянула на себя в зеркало. Вспомнила ту... незнакомую гордячку в драгоценностях. Насмешливо фыркнула и поспешила вниз.

Зал был ярко освещен. Благодаря мягкому свету свечей тени становились глубже, а краски – ярче. Винные бутылки на столе блестели, будто натертые воском. Фрукты и зелень источали завораживающий аромат. Дети бегали вокруг сдвинутых к стенам столов и верещали. Их не столько привлекали яства – по крайней мере до десерта, – сколько возможность сложить из стульев пиратский корабль или королевский дворец и устроить потасовку.

Висту Вистун – маленький человечек с грустными глазами и длинным носом, похожий на печальную крысу, преподнес Матушке два собственноручно сделанных вазона для цветов в форме раковин. Установить их предполагалось у входа в трактир. Томазо, обожавший, как это ни странно, цветы, пообещал Бруни дать рассаду от тех буйно цветущих кустов герани, что украшали здание его гильдии.

– Вы пьете, мастер Висту? – икнув, поинтересовалась у него Туча Клози, усадила рядом с собой и безапелляционно довершила: – Сегодня пьете!

Вистун, покосившись на стати соседки по столу, молча подвинул ей бокал.

Когда все наконец расселись, Пиппо, по праву ближайшего родственника и друга севший одесную, воскликнул:

– Где же Ванилька?

Дверь распахнулась, будто ждала этих слов.

И пала тишина. Даже дети застыли, издав восхищенное «хоу!»

На пороге стоял худощавый человек в камзоле цвета яркой свеклы, в зеленых штанах, без всякого стеснения обтягивающих стройные ноги и другие анатомические подробности, в узких красных ботинках и синем шейном платке, в который было воткнуто несколько булавок с наверхушками в виде осьминога, морского конька и разного вида ракушек. Из нагрудного кармана камзола живописно опала... морковная ботва.

Разглядев ее, Матушка поднялась из-за стола и поспешила навстречу гостю.

– Моя дорогая именинница! – приветствовал тот, будто знал Бруни давно и близко. Поймав ее руки, прижал к губам. – Милая Матушка! В этот полный светлячков и пьяниц вечерок спешу поздравить тебя с Днем появления из материнского лона сине-багрового комочка, издающего котячьи звуки! Да пребудут твои мысли полными чистых помыслов, твои тела – здоровья, а твой трактир – относительно трезвых посетителей и их невыносимо тяжелых кошельков!

Бруни невольно покосилась на «тела» и прыснула, как девчонка. Но тут же сделала серьезное лицо, присев в подобии реверанса. Как вести себя с шутом его величества Редьярда Третьего – шалопаем Дрюней – к тому же благородным по крови господином, она понятия не имела.

– Добрых улыбок и теплых объятий! – приветствовала она его. – И как же мне называть вас?

– На «ты»! – просто ответил шут и, сделав шаг вперед, закружил ее в подобии танца. – Как обращалась бы к любимому сыну!

– Но ваше имя?.. – пискнула Бруни, выворачиваясь.

– ...Слишком известно и труднопроизносимо, – он свысока посмотрел на нее и вдруг захохотал, да так заразительно, что сидящие за столом, переглянувшись, дружно начали улыбаться. – Зови меня Дрюней! Уж если его развеликое величество не брезгует называть меня так, остальным тоже понравится!

Зашелестели шелка. Нечто нежно-сиреневое в фиолетовых оборках всплыло в трактир, помахивая полями шляпы в цвет шейного платка спутника.

– Ванилла! – ахнула Бруни.

– С днем рождения! – воскликнула та, сунув Матушке в руки тяжеленькую резную шка- тулку. – И позвольте вас познакомить с моим женихом! Папа?

Папа, багровея, медленно поднимался из-за стола.

Охнув, Матушка в мгновение ока оказалась рядом с поваром и взяла под руку.

– Мы ужасно рады познакомиться с вами... с тобой, дорогой Дрюня! – зашебетала она и уронила от волнения шкатулку, едва не разбив пару тарелок. По столу со звоном покатались золотые монеты. – Ванилла, вы обручились?

Старшая Королевская Булочница воздела к потолку безымянный перст, на котором бле- стел нескромный бриллиант. И подытожила:

– Да! Любимый, прослушав хартию вольностей лица, обязующегося стать моим мужем, согласился устроить свадьбу!

В мгновение ока Дрюня упал в ноги Пипа с криком:

– Благословите, отче!

Пиппо пошел красными пятнами и рухнул на стул. Отерев трясущейся рукой пот со лба, взглянул на Ваниллу и сказал:

– Да-а-а... Не ожидал я от тебя, доченька, такой па... радости! А вам, молодой человек, – его грозный взгляд переместился на шута, рука шарила по столу, словно искала любимый топо- рик для разделки мяса, – можно верить? Вы ж, небось, мот, бабник и пьяница!

– Папа! – глядя на Пиппо воскликнул Дрюня и с удобством расположился на полу, скре- стив ноги. – Дочка твоя, хоть и немолода, и бесприданница, и характер имеет тяже... отцов- ский, да и не голубых кровей девица, но собой хороша, на язык остра, а в постели и у плиты темпераментна сверх меры. И специфику моей работы понимает! А для меня это важно! Но еще важнее... – он интимно понизил голос, – для Рэда!

– Для кого? – моргнул Пип.

– Для его великовозрастного величества! – пояснил Дрюня. – Так что от дочки твоей польза будет всему королевству!

– Не понял! – напрягся повар.

Шут вскочил на ноги, одним махом поставил рядом два стула, подмигнув и потеснив Томазо и его супругу, усадил Ваниллу и, сев рядом с ее отцом, цопнул с блюда горячий мер- завчик.

– Суди сам! – откусив булочку и зажмурившись от удовольствия, заговорил он. – У нас с дочкой твоей тишь да благодать – и я склонен сочинять сонеты, которые так любит его величе- ство, играть на китаре и рисовать акварели, что вызывают восхищение придворных дам, даже тех, кои меня терпеть ненавидят! Мы с Ваниллой в ссоре – и мои эпиграммы полны изыскан- ного яда, остры и горьки, как свежемолотый перец, а от шуток придворные шарахаются, словно макрель от дельфина. Так что, как ни поверни, от такой семейной жизни одни плюсы!

Пока он говорил, Пип разглядывал его исподлюбья, а когда шут замолчал – не отвел взгляда.

– Папа! – проникновенно сказал Дрюня. – Да люблю я ее, Ванильку твою, неужели не ясно!

Ванилла судорожно вздохнула.

– Ах! – воскликнула Туча Клози, трепетно прижимая руки к груди. – Вот это, я понимаю, чуйство! Чуйство полета!

Она огляделась в поисках поддержки, обнаружила затихшего рядом Висту, захомутала его в объятия и одарила страстным поцелуем.

– Это по-нашенски! – заметил Дрюня и протянул Пипу раскрытую ладонь. – Благосло- вишь?

Тот подумал с мгновенье, показал старшей дочери увесистый кулак и только после этого пожал шуту руку.

– Благословляю! – буркнул он. – Когда свадьба?

– В первую неделю осени сыграем, – подала голос Ванилла, стирая слезы радости, обильно залившие щеки. – Аккурат на Золотые дни!

– Мало тебя супруга-покойница лупила! – проворчал повар.

Персиана – не такая дородная, как сестрица, но по-семейному ехидная, хихикнула и показала старшенькой язык.

– Ну! – огладив огненную бороду, провозгласил Пелеван. – Значит, у нас двойной праздник! А посему предлагаю отдать должное лакомствам, приготовленным умелыми ручками нашей Бруни и ее повара. Скажу по секрету –стряпня ваша достойна кухни самого Редьярда! Ребрышек с можжевелевыми ягодами вкуснее нет нигде в Вишенроге! А потом... – он, загадочно блестя глазами, потянул из-за пазухи свиток, оплетенный сине-золотым шнуром Магического ведомства, – устроим танцы!

Его супруга – Алисия – женщина в годах, сохранившая, несмотря на возраст и троих детей, хрупкую, будто фарфоровая статуэтка, фигуру, захлопала в ладоши и горячо поцеловала мужа.

Матушка наблюдала за ними с удовольствием – ей было приятно видеть, что после стольких лет супружества Пелеваны не утратили интерес друг к другу. Вот бы тоже так...

Порозовевший от комплимента Пиппо потянул ее за рукав, заставляя сесть.

На стол был водружен бочонок добротного вишневого вина, которое зажигало кровь и хмелило голову. Веселье наконец начиналось.

К удивлению Бруни, шут замолчал надолго. Лишь перепробовав все стоявшие на столе блюда, он, тяжело отдуваясь, расстегнул камзол и погрозил Томазо длинным пальцем.

– Хотел я тебя, братец мастер, отругать за пренебрежение к кухне его величества! А теперь вижу – прав ты! Как простые люди есть соль земли, так и еда простая, по народным рецептам приготовленная, – суть вершина поварского искусства.

– Твоя правда, шут! – жажнула по столу кулаком Туча Клози. – Но куру уметь разделить недостаточно! С чуйством надо готовить! С чуйством!

– Сосредоточение тут необходимо! – неожиданно подал голос маленький Висту. Он пил наравне с Клозильдой и оттого с трудом удерживался, чтобы не упасть со стула. – Когда вокруг никого не видишь... ик!.. не слышишь и не чуйствуешь!

Матушка поняла, что словечко Клози привязалось к нему, как и к самой Бруни, надолго.

Соседка пихнула его локтем под бок с такой силой, что Висту упал на колени сидевшему рядом с ним Марху Тумсону – мужу Персианы.

– Чуйство, говорю тебе, главнее! – рыкнула она. – Как бесчуйственный чурбан изобразит шедевр?

Марх – крепкий парень, работавший старшим конюхом у одного из господ в квартале Белокостных, аккуратно водрузил Висту на место.

– Не ссорьтесь! – подал голос Дрюня, разглядывая спорщиков с блеском в глазах. – Оба вы правы. Лишь отрешившись от низких мыслей, уйдя в себя, ощутишь истинное... чуйство творчества! – он тихонько хрюкнул от удовольствия и довершил: – И сотворишь шедевр!

А затем подскочил, выхватив из-под руки Томазо музыкальный свиток. Умело снял оплетку и, изящно развернув пергамент, прочитал первое название:

– Бранли «Утки вышли погулять»!

Со свитка зазвучала веселая музыка – сначала тихо, а затем громче и громче, будто побуждая пуститься в пляс, растряссти ужин, потряхнуть стариной.

Томазо, крякнув, поднялся, снял добротный суконный кафтан, оставшись в одной рубашке. Курчавая шерсть на его могучей груди под распущенной шнуровкой ворота была такой же ярко-рыжей, как и борода. Развернувшись к супруге, глава Гильдии каменщиков шутливо поклонился.

– Госпожа соизволит ли подарить мне первый танец?

Алисия, млея, что делало ее невыразимо привлекательной, подала мужу руку.

Дрюня, чмокнув Ваниллу в макушку, в мгновение ока оказался рядом с Матушкой.

– Первый танец – твой, маменька! – он едва ли не насильно поднял Бруни со стула, в который она вцепилась со страху. – Нетанцующая именинница – то же самое, что немечтающая девственница!

О чем полагается мечтать девственнице, шут уточнять не стал, а Матушка по понятным причинам не спросила.

Бранли танцевали еще деды и прадеды. Особое внимание в этом танце уделялось не столько движениям, сколько задору. Танцевали его как парами, так и «ручейком», держа друг друга за бока или плечи, в чем с удовольствием принимали участие и взрослые, и дети.

Туча Клози, понаблюдав, как безуспешно пытается встать на ноги Висту Вистун, подхватила его под мышки и вытащила в круг танцующих.

– Я... – блеял Висту из-под ее могучей руки, – вполне согласен, что чуйство для творчества не... ик! ...обходимо! И то, что вы это осознаете, прекрасная Клози, делает вам... Ик!

Клозилда встряхнула партнера, заставляя замолчать, и закружила в веселой пляске. Пип прошел пару кругов со старшей дочкой, запыхался и уютно устроился за столом, потягивая вино. Персиана танцевала то с мужем, то с детьми, по очереди. Виеленна с Питером удивили всех, пустившись в такой зажигательный пляс, что с полок за стойкой попадала утварь.

– Мазурка «Веселый менестрель»! – объявил Дрюня.

Магический свиток «подавился» темой Бранли и заиграл мазурку.

– Все-все! – протестующе подняла ладони Матушка, когда шут угрожающе двинулся к ней. – Я отдохну, с твоего позволения!

– На! – Дрюня сунул ей в руки морковку, которую вытащил из кармана камзола. – Это поможет восстановить силы!

И поскакал за возлюбленной, по-журавлиному поднимая длинные ноги.

– Невозможный человек! – сказал ему вслед Пип, приобняв Бруни одной рукой. – Вот уж не ожидал я от нее такого жениха!

– У них же чуйство! – машинально ответила Матушка и наморщила нос. Поправилась: – Чуйство, то есть! Пип, даже со стороны видно, что им хорошо вместе. Не беспокойся, прошу тебя!

Повар пристально взглянул ей в глаза.

– А ты когда замуж выйдешь?

– За кого? – удивилась Бруни.

Пиппо смутился.

– Не знаю! Но ты же не можешь всю жизнь оставаться вдовой! Ты молода и хороша собой! Да и мне помощник нужен. Я старею!

Матушка молча прижалась щекой к его плечу. Что она могла ответить? Разве только правду.

– Я люблю Кая, – тихо сказала она, – хотя до сих пор ничего о нем не знаю, могу только догадываться... Пусть Индари сама решит, как мне быть с этой любовью!

Пип вздохнул и ничего не ответил. Матушка была благодарна ему за это, потому что прекрасно понимала, о чем он заговорит. Даже голос его слышала у себя в голове!

Стремясь избавиться от наваждения, она пересела к Григо, которому не позволяло танцевать здоровье, однако он с удовольствием наблюдал за танцующими.

– Как вам вечер, господин Турмалин? Желаете еще вина?

Григо благодарно похлопал ее по руке.

– Наливай, дорогая моя, наливай! Скоро осень, и мои старые кости вновь начнут ныть от холода, а пока есть возможность приобщиться к теплу, надо ей пользоваться!

Когда они выпили по глотку вина, пахнувшего свежо и пряно, Турмалин полез в карман поношенного камзола и, достав небольшой сверток, протянул его Матушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.